Каменные изваяния западной Тувы

(К вопросу о погребальном ритуале тугю)

А. Д. Грач

Проблема древнетюркских каменных изваяний не является проблемой новой. Уже давно многие вопросы этой проблемы дебатируются в трудах различных исследователей. Жаркие споры разгорались не только по поводу каменных изваяний, обнаруженных путешественниками и учеными в Центральной Азии и Южной Сибири, но и по поводу каменных фигур, зафиксированных в бескрайних степях юга России и в пределах Средней Азии.[1]

При изучении древних судеб народов Центральной Азии и Южной Сибири исследование древних каменных изваяний является одним из существенных звеньев. Материалы по древнетюркским каменным изваяниям позволяют выяснить ряд вопросов древней этногеографии Центральной Азии и сопредельных территорий и, соответственно, осветить ряд проблем этногенеза.

Тува является одной из основных областей распространения древнетюркских каменных фигур VII—IX вв. н. э. (значительное количество каменных изваяний затрагиваемого круга известно также на территориях Монголии, Алтая, Средней Азии и некоторое число в Хакассии). Достаточно указать, что до сих пор на территории Тувы уже было известно 63 экземпляра каменных изваяний, открытых и изученных в разное время рядом исследователей (А. В. Адрианов, С. Р. Минцлов, С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. П. Потапов и др.).[2] Тем не менее на обширных

[1] Сводкой по старой библиографии проблемы является работа Н. И. Веселовского „Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах»“ (Зап. Одесск. общ. истории и древностей, т. XXXII, 1915, стр. 408—440, прилож. — стр. 441—444, табл. I—XIV). Эта сводка до сих пор еще не утратила своего значения. В отношении метода этой работе присущ один весьма существенный недочет: автор зачастую рассматривает памятники недостаточно дифференцированно (в ряде мест ставится знак равенства между каменными изваяниями центральноазиатских типов и западными группами).

[2] Об изучении каменных изваяний Тувы см.: А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. Русск. Географ. общ. (по общ. географ.), т. 11, стр. 414—425, табл. III; С. Р. Минцлов. Памятники древности в Урянхайском крае. Зап. Вост. отд. Русск. Археолог. общ., т. XXIII, 1916, стр. 293—301, табл. IV, *1*; V, *1—4*; Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. 1, Урянхайский край. Изд. Переселенческ. управл. Главн. управл. землеустройства и земледелия, Пгр., 1914; Н. Богатырев. О тувинских памятниках древности. „Под знаменем Ленина—Сталина“ (политико-экономический журнал Центрального Комитета Тувинской народно-революционной партии), 2, ноябрь, Кызыл, 1942; Л. А. Евтюхова и

пространствах „страны Голубой реки" все еще существуют белые пятна, значительно осложняющие ту общую перспективу, которую дает изучение каменных изваяний. Одним из такого рода белых пятен до недавнего времени являлись высокогорные территории Монгун-Тайги.

Во время проведения полевых археологических разведывательных маршрутов (1953 г.) в горах Монгун-Тайги наряду с другими памятниками нами было открыто два неизвестных ранее каменных изваяния древнетюркского времени. Кроме того, на территории Бай-Тайги было обследовано еще одно неопубликованное изваяние, открытое в 1949 г. проф. Л. П. Потаповым.[1]

В 1953 г. нам удалось выделить время и на повторное обследование ряда каменных изваяний западной Тувы (Бай-Тайга, Барун-Хемчик, Дзун-Хемчик).

Переходим к характеристике обследованных фигур.[2]

Каменное изваяние № 1. Данный памятник был открыт нами в Монгун-Тайге во время проведения первого разведывательного маршрута в долине р. Каргы (на старых картах — Хариге, Харга, Карга), в районе Мугур-Аксы.

Каменное изваяние находится на обширном плато второй надпойменной террасы р. Каргы (рис. 1), берущей свое начало почти у самых пределов Алтая (у озера Хиндиктиг-Холь) и впадающей в озеро Урюк-Нур, расположенное уже на территории Монголии. С двух сторон долина р. Каргы зажата горными хребтами, тянущимися вдоль реки. Наибольшей высоты достигает хребет Цаган-Шибэту, расположенный по левой от нее стороне (здесь многие горные вершины уже в сентябре бывают покрыты снегом).

В интересующем нас месте р. Каргы имеет всего две надпойменных террасы. Наиболее обширна вторая терраса, на которой, как уже указывалось, и находится каменное изваяние VII—VIII вв. н. э. Расстояние от Мугур-Аксы до места нахождения памятника — около 1.5 км. При поездке к этому изваянию приходится сначала пересечь вброд р. Мугур, впадающую в Каргы. Издали, от начала плато второй террасы, изваяние заметить чрезвычайно трудно — так сильно сливается оно с окружающей местностью.

Фигура установлена у восточного края каменного ограждения, заполненного во внутренней своей части каменной наброской (некоторые камни наброски покоятся в насыпи стоймя). Плиты внешних граней ограждения прослеживаются достаточно четко только по двум сторонам ограды. Можно все же проследить, что в плане оградка

С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. Кратк. сообщения о докладах и полевых исслед. Инст. истории матер. культ. АН СССР, вып. XXVI, 1949, стр. 121, 123 и сл., 126, рис. 48, 49; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 24 (Матер. и исслед. по археолог. Сибири, т. 1), М., 1952, стр. 72, 77—94, 102—118, 120, рис. 8—41, 55—69 (прилож. 2). К указанной библиографической справке надо добавить ссылку на материалы Л. П. Потапова, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР (Фототека МАЭ, № И-1251-97—100, 146—153, 197, 198, 200, 201, 630—640).

[1] Фототека МАЭ, № И-1251-197, 198, 200, 201.

[2] Предварительные данные об исследовании каменных изваяний (1953 г.) см.: А. Д. Грач. Обследование археологических памятников западной Тувы. Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории, вып. II, Кызыл, 1954, стр. 156—159, табл. I, рис. 1 (приложение второе).

В ряде археологических маршрутов, проведенных мной на территории Тувы в 1953 г., принимали участие: сотрудник Института этнографии АН СССР фотограф А. В. Маторин, научный сотрудник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории В. Ч. Очур, краевед И. А. Дорофеев, проводники Х. Токпак-оол и К. Хертек.

имеет подчетырехугольные (точнее — подквадратные) очертания, при длине каждой из сторон 5.2 м. Ориентирована оградка сторонами по странам света. На восток от изваяния и оградки тянется длинный ряд камней, врытых стоймя (балбалы) (рис. 2).

Каменное изваяние изготовлено из весьма эффектного зеленоватого плитняка (сланец). Насколько мне известно, такая порода камня в ближайшей округе не встречается, а потому приходится заключить, что материал для изготовления статуи был добыт где-то вдалеке.

Размеры изваяния: общая высота (от дневной поверхности) 1.19 м, высота лица 0.41 м, ширина плеч 0.39 м.

Рис. 1. Каменное изваяние и оградка древнетюркского времени (общий вид). Монгун-Тайга, долина р. Каргы, к сев.-зап. от Мугур-Аксы. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-56).

Фигура слегка наклонена вправо (рис. 3). В правой руке изваяния — сосуд, левая рука спускается на пояс. Пальцы обеих рук высечены весьма прямолинейно, примитивно.

Лицо фигуры в основном хорошо сохранилось. По форме оно продолговато, некоторое расширение его наблюдается в скуловой части, к подбородку очертания лица заметно сужаются. Глаза миндалевидно-овальные. Усы загнуты вверх. Одним рельефом с надбровьями высечен нос изваяния (нос слегка поврежден — оббит). Четко высечены уши с продетыми в них серьгами.

Плечевая часть и верхняя часть торса фигуры смоделированы таким образом, что создается полная имитация запахивающейся одежды с вырезом вверху.

С тыльной стороны поверхность изваяния лишена каких-либо изображений (рис. 2).

Остановимся на характеристике „инвентаря", изображенного на изваянии.

Сосуд, который изображенный мужчина держит в правой руке, имеет округлое, шаровидное тулово, расширяющееся кверху горло с четко выраженным перехватом в месте перехода от горла к тулову

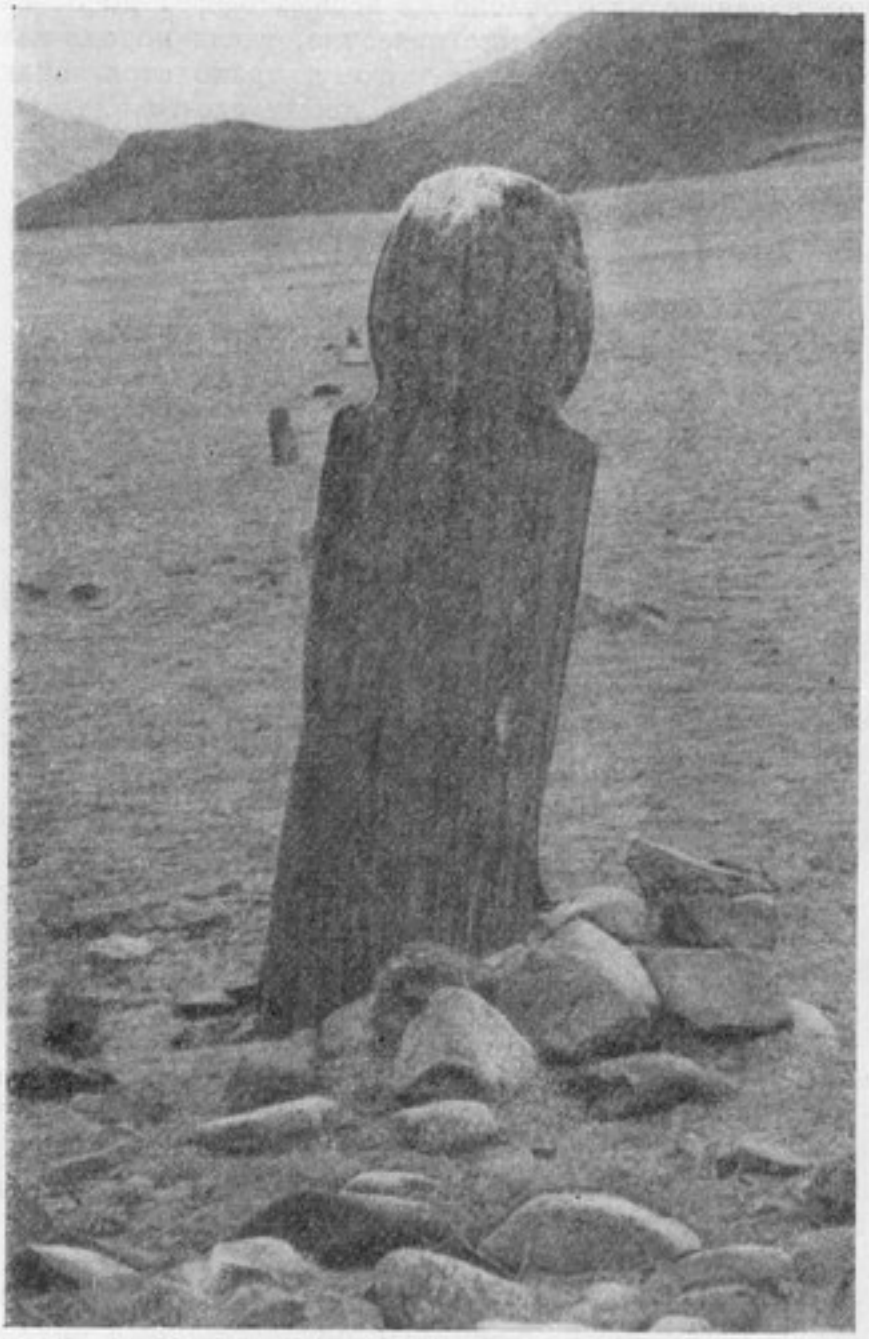

Рис. 2. Каменное изваяние древнетюркского времени и камни-балбалы (вид сзади). Монгун-Тайга, долина р. Каргы, к сев.-зап. от Мугур-Аксы. (Фото А. В. Маторина; МАЭ, № И-1617-52).

и довольно четко выделенное донце. Этот сосуд не находит себе более или менее точных аналогий среди сосудов, изображенных на обширной серии каменных изваяний Алтая, Хакассии, Тувы и Монголии, опубликованных в сводной работе Л. А. Евтюховой.

Пояс изваяния наборный. С правой стороны к поясу подвешен округлый предмет, который является не чем иным, как изображением мешочка, употреблявшегося для хранения разной мелочи (рис. 4, *а*). По данным

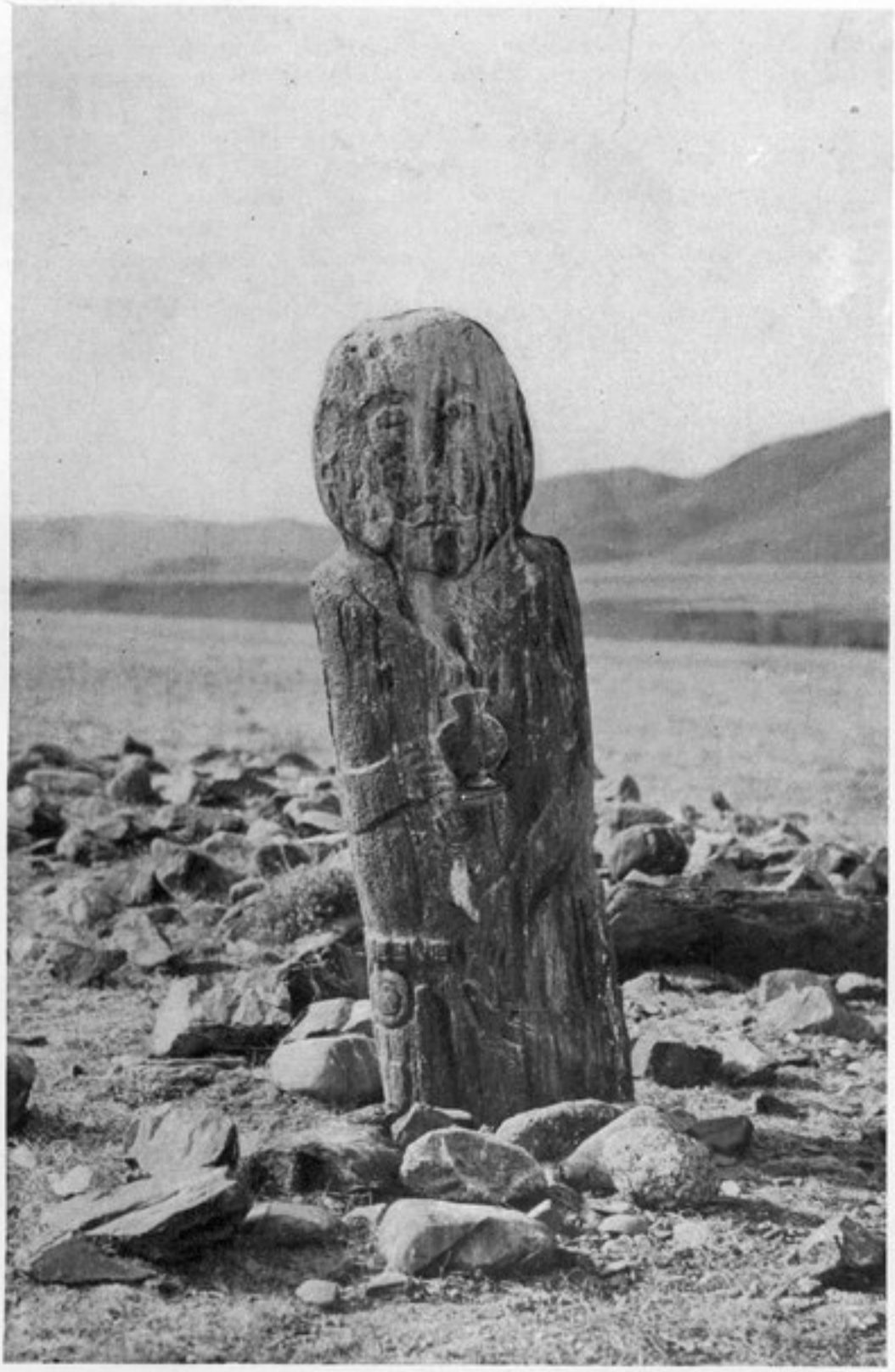

Рис. 3. Каменное изваяние древнетюркского времени (крупный план). Монгун-Тайга, долина р. Каргы, к сев.-зап. от Мугур-Аксы. (Фото автора; МАЭ № И-1595-54).

Л. А. Евтюховой, мешочки такого рода известны на четырех каменных изваяниях с территории Алтая, на одном изваянии из Хакассии, на четырех изваяниях, обнаруженных в Монголии, и, наконец, на пяти изваяниях в Туве (одно в котловине Деспен, одно в урочище Хожели-Хараган, два изваяния в районе Арыг-Бажи, одно в Чаа-Холе).[1]

Археологические параллели такого рода изображениям можно наблюдать среди инвентаря кургана 1, раскопанного в урочище Тадила на Алтае (Курайская степь). В мешочке, найденном в этом кургане, было

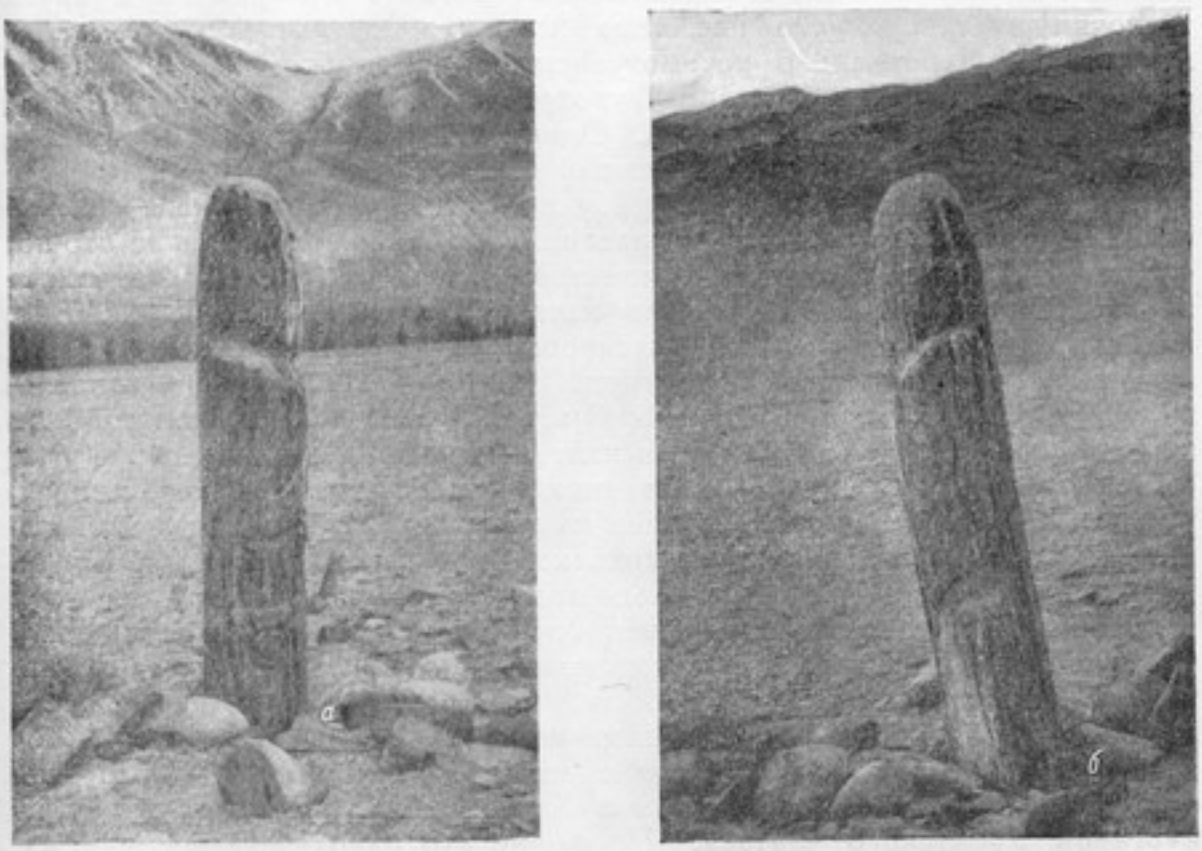

Рис. 4. Каменное изваяние древнетюркского времени. Монгун-Тайга, долина р. Каргы, к сев.-зап. от Мугур-Аксы. (Фото А. В. Маторина; МАЭ, № И-1617-51, 53).

а — вид с правой стороны. *б* — вид с левой стороны.

обнаружено железное кресало и два мешочка меньших размеров. Мешочек, заключавший все эти находки, был изготовлен из китайского шелка, отделанного снаружи лунницами и бляшками. В двух „внутренних" мешочках был обнаружен целый набор вещей: в первом — три человеческих зуба, зуб грызуна, кусочки бересты, во втором — кремешки и остатки трута. Судя по археологическим данным, „наружные" мешочки изготавливались не только из материи, но и из кожи (внутрь кожаных клались опять-таки матерчатые мешочки; Алтай, Туяхта, курган 4).[2]

Необходимо указать, что мешочек каргынского изваяния оторочен круглой каймой, идущей по внешнему краю. Кайма эта в верхней части

---

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния..., стр. 110 (прим. 2), а также стр. 79, 81—83, рис. 12, 17, *2*, 18, 19, 34.

[2] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. Гос. Историч. музея, XVI, 1941, стр. 105.— С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 541, табл. LI. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния..., стр. 110.

не замкнута; такой же факт в трех случаях зафиксирован Л. А. Евтюховой: на изваянии в урочище Хожели-Хараган (Тува), на двух изваяниях с территории Монголии — в степи между Мишик-Гун и Уйцзанван-Хуре — и на изваянии, хранящемся в Улясутайском музее.[1]

Бытование мешочков рассматриваемого типа не ограничилось только временем тугю. Гораздо позднее, в XIII в., такие предметы были зафиксированы у команов (кыпчаков) голландцем Вильгельмом Рубруком, который в 1253 г. был отправлен в качестве посланника французским королем Людовиком IX к монгольскому кагану. Во времена Рубрука мешочки интересующего нас типа носили у кыпчаков наименование *каптаргак*.[2] Специально рассмотревший этот вопрос Л. П. Потапов отмечает устойчивую традицию употребления таких сумок на Алтае (алтайцы называют их *каптарга*).[3] Одна из таких сумок была доставлена Л. П. Потаповым в Государственный Музей этнографии (Ленинград).[4]

Под левой рукой изваяния № 1 у пояса изображен кинжал — он высечен малорельефно и потому прослеживается слабо. Несмотря на это последнее обстоятельство, можно констатировать, что кинжал этот имеет перекрестье и клинок его резко изогнут по отношению к рукоятке. Кинжал сходного типа был зафиксирован Л. А. Евтюховой для одного изваяния, обнаруженного экспедицией ИИМК—ГИМ в 1947 г. в котловине Деспен. Л. А. Евтюхова обращает внимание на уникальность кинжала подобного типа при изучении каменных изваяний указанного круга.[5]

Манера ношения оружия у изваяния в долине Каргы несколько иная, чем та, которая нашла отображение на каменном изваянии из котловины Деспен. У рассматриваемой деспенской фигуры кинжал подвешен на двух ремнях совершенно параллельно поясу, у изваяния же, находящегося в долине Каргы, кинжал подвешен гораздо более наклонно. Однако, так или иначе, тип кинжалов обоих изваяний безусловно сходен и, учитывая редкость находки подобного рода форм, кинжал каргынского изваяния представляет существенный интерес.

Л. А. Евтюхова полагает возможным сблизить кинжал этого типа с железным кинжалом, найденным в Хакассии при раскопках одного из курганов Уйбатского чаатаса.[6] По форме это однолезвийный кинжал, коленчатый черешок которого резко отогнут внутрь. Особо отмечается то, что даже пропорции кинжала, открытого на одном из изваяний котловины Деспен, точно совпадают с пропорциями уйбатского кинжала.[7] В этой связи приводится и ряд других аналогий; в том числе имеется ссылка на аналогичные (до известной степени) предметы с Северного Кавказа и с территории Харьковщины.[8] Это говорит о широком распространении в древности кинжалов разбираемого типа.

---

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния..., стр. 110, а также 81 и сл., рис. 17, *2*.

[2] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. Малеина, СПб., 1911, стр. 70.

[3] Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 144.

[4] Там же.

[5] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния..., стр. 79, 112, рис. 12, 68, *1*. Интересующее нас каменное изваяние из котловины Деспен опубликовано под номером 26.

[6] Л. А. Евтюхова. 1) Каменные изваяния..., стр. 112, рис. 68, *2*; 2) Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1949, рис. 30.

[7] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния..., стр. 112.

[8] Так же, стр. 112 и сл. — В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе. Изв. Археолог. комиссии, вып. 56, 1914, табл. III, *23*. — Отчеты Археологической комиссии. СПб., 1891, стр. 128.

В заключение необходимо остановиться на анализе серег изваяния № 1. Значительно лучше прослеживается серьга, изображенная в правом ухе изваяния. Серьга эта довольно правильной овальной формы. Вниз от основного овала серьги тянется подвеска. До сих пор при изучении каменных изваяний наличие серег было отмечено трижды (в Арыг-Бажи, в урочище Таарбол близ Арыг-Бажи и еще в одном месте на р. Торгалыг близ Арыг-Бажи).[1] Каргынское изваяние дает нам возможность изучить четвертый случай. Л. А. Евтюхова указывает, что все изученные ею серьги „одного типа: вдетое в мочку кольцо, от которого спускается вниз небольшой стерженек, расширяющийся книзу в двух случаях".[2] Сравнительный анализ показал, что такого рода серьги известны среди инвентаря древних кочевнических погребений. В Курайской степи (Алтай) они были встречены в двух курганах (Курай II, курган 3 и Курай VI, курган 1).[3]

Инвентарь, которым сопровождались эти серьги, можно поместить в хронологические рамки VII—VIII вв. н. э. Круг аналогий серьгам данного типа расширяется до пределов Северного Кавказа (Комунта, Дергавс, Кобанские катакомбы);[4] найдены были такие серьги и в Салтовском могильнике.[5]

Рис. 5. Серьги.

а — серьга изваяния № 1, *б* — серьга VII—VIII вв. н. э. Могильник Курай II, курган 3. (По Л. А. Евтюховой).

Надо указать, что сближение серег, обнаруженных на каменных изваяниях в Туве, с материалами из тюркских погребений Алтая было, с нашей точки зрения, возможно лишь с известной долей допущения. Однако серьги каргынского изваяния показывают всю правомерность такого допущения. Дело в том, что серьги (особенно правая серьга) являются уже не приближенной, а точной копией серег из Курайских курганов: отчетливо прослеживается сходство с курганными аналогами дужки серьги, а также стерженька, на котором укреплена подвеска. Особенную близость обнаруживают серьги изваяния № 1 к экземпляру, найденному в могильнике Курай II (курган 3)[6] (рис. 5).

Характеристику каменного изваяния № 1 нельзя дать в отрыве от общего обзора близлежащих погребальных сооружений. В западном направлении по долине Каргы, на той же второй террасе, на которой находится и изваяние № 1, почти по всей протяженности плато разбросаны древние погребальные комплексы.

Неподалеку от изваяния, на краю террасы, находится один курган с простой каменной насыпкой. Совсем близко от каменного изваяния

---

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 105 и сл., 81—83, рис. 17, *1*, 18, 19, 62.

[2] Там же, стр. 105.

[3] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., рис. 17 и 23. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 105.

[4] Материалы по археологии Кавказа, т. VIII. М., 1900, табл. CXXIII, *3*. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 105.

[5] А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII Археолог. съезда, т. 1, табл. XXI, рис. 25. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 105.

[6] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г., рис. 17. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния . . ., рис. 62, *4*.

№ 1 находится каменная стела, вертикально врытая в землю; высота стелы 1.3 м (рис. 6). На восточной плоскости этой стелы имеется ряд трудно различимых изображений, одно из которых, однако, прослеживается довольно хорошо и представляет собой изображение горного козла того же типа, что и открытые нами несколько позднее изображения среди петроглифов в горах Бай-Тайги и Барун-Хемчика. Эти петроглифы, получившие наименование изображений „типа Чуруктуг-Кырлан" (по месту открытия первой в Туве массовой их группы), на основании данных сравнительного анализа датируются древнетюркским временем.[1]

Виды погребальных сооружений могильника Мугур-Аксы I весьма разнообразны. В первую очередь следует назвать курганы с простой

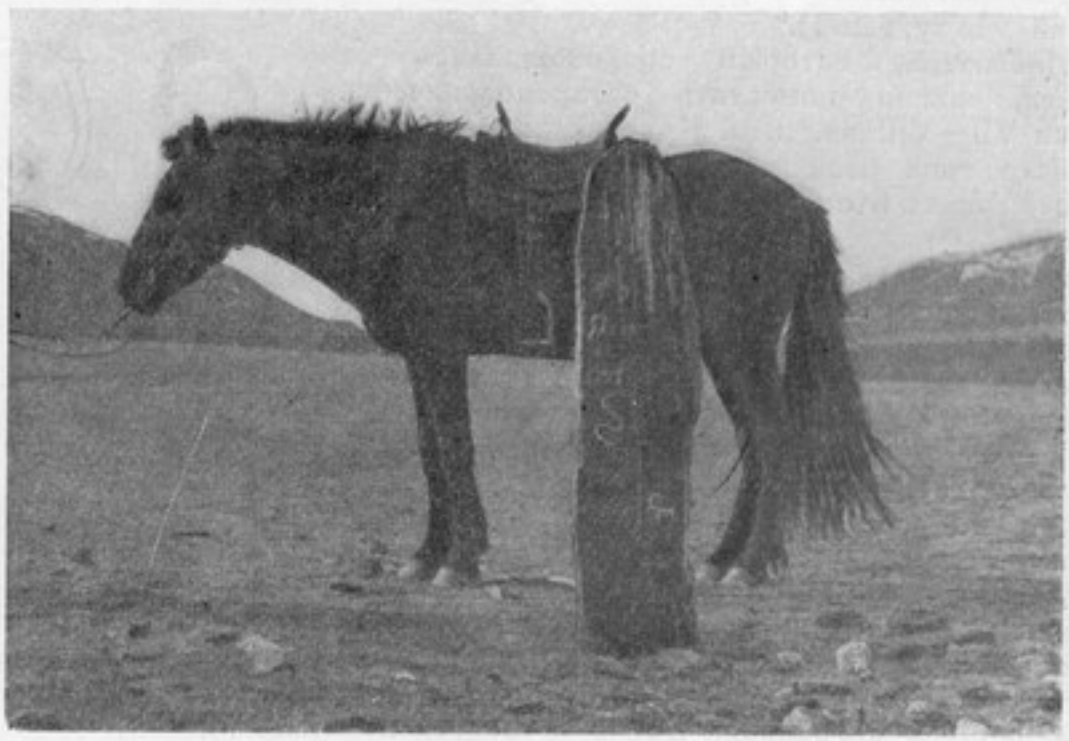

Рис. 6. Стела с изображениями древнетюркского времени. Монгун-Тайга, могильник Мугур-Аксы I. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-59).

каменной насыпью. Встречены херексуры с круглым в плане и подквадратным ограждением (от углов ограждения к центральной насыпи идут двойные каменные выкладки-перемычки). Размер одного из подквадратных херексуров 17 × 17 м.

В могильнике в большом числе представлены оградки разных типов. Следует указать, что на восток от многих из обследованных оградок тянутся ряды вертикально врытых камней (балбалов). У восточной грани некоторых из таких оградок сохранились стелы.

Среди прочих сооружений были встречены оградки со стелами внутри ограждения. Одна из таких обследованных нами оградок, на которую можно ссылаться в качестве характерного примера, ориентирована сторонами по странам света. Размеры этой оградки 1.54 × 1.74 м; размеры стелы: высота 1.43 м, наибольшая ширина 0.47 м, толщина 0.28 м.

[1] О датировке изображений козлов „типа Чуруктуг-Кырлан" см.: А. Д. Грач. Археологические исследования в западной Туве. Кратк. сообщ. Инст. этнограф. им. Н. Н. Миклухо-Маклая, вып. XXIII, 1955, стр. 26—28, рис. 7.

Можно наблюдать и маленькие оградки, также ориентированные сторонами по странам света и пристроенные вплотную друг к другу. Размеры одной такой „парной“ ограды 1.06×1.46 м и 0.72×1.4 м. Внутри каждого отсека установлено по маленькой стеле (сохранившаяся высота стел 0.97 и 0.26 м).

Таков общий облик погребальных сооружений (могильник Мугур-Аксы I), с которыми увязывается древнетюркское каменное изваяние в долине р. Каргы. Надо полагать, что могильник этот имел определенную связь и с восточным могильником в долине р. Каргы (могильник Мугур-Аксы II), а также с погребальными сооружениями в долине р. Мугур (Мугур-Аксы III).

Каменное изваяние № 2. Это древнетюркское каменное изваяние было обнаружено нами во время проведения археологических разведывательных маршрутов в районе поселка Моген-Бурен (Монгун-Тайга). Сумон Моген-Бурен является самой юго-западной частью Тувы. На территории этого сумона мы обнаружили большие скопления погребальных комплексов, располагающихся на террасах р. Моген-Бурен. Река Моген-Бурен, так же как и Каргы, берет свое начало у самой границы Алтая и Тувы и впадает в озеро Ачиту-Нур, расположенное на монгольской территории. Ряд исследователей и путешественников (Г. Н. Потанин, И. Г. Гранэ), посетивших р. Моген-Бурен, следуя по известному маршруту Кош-Агач (Алтай) — Улангом (район озера Убса-Нур), отмечают, что в нижнем своем течении Моген-Бурен протекает по равнине полупустынного типа (на картах того времени река эта чаще всего именовалась Буконь-Берень). В том же районе, где мы посетили р. Моген-Бурен, ландшафт представляет собой типичный высокогорный пейзаж юго-западной Тувы (рис. 7).

Названные выше исследователи отмечали наличие в посещенных ими районах северо-западной Монголии, сопредельных территории наших исследований, большого числа различных археологических памятников (в первую очередь херексуров) и в том числе каменных изваяний.[1]

В районе Моген-Бурена наибольшее количество памятников было найдено на верхней террасе — на обширном плато, с трех сторон зажатом горами, а в западной своей части завершающемся обрывом, который создает переход в следующую террасу. Изваяние № 2 было обнаружено нами в восточной части этого плато, неподалеку от „долины смерти“ (места захоронения, используемого жителями сумона Моген-Бурен).

Изваяние № 2 вкопано у юго-восточной стороны каменной оградки (рис. 8). В плане оградка подчетырехугольная. Размеры ее сторон $2.8 \times 3.2 \times 2.9 \times 3.1$ м. Сторонами оградка ориентирована на юго-восток, юго-запад, северо-запад, северо-восток. Наружное ограждение составлено из вертикально врытых плит черного сланца местных пород.

---

[1] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии (результаты путешествия, исполненного в 1876—77 годах по поручению Имп. Русского Географического общества), вып. II, материалы этнографические. СПб., 1881, стр. 47—76, табл. I—XVIII. — J. G. Granö. 1) Archäologische Beobachtungen von den Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. Journ de la Soc. Finno-Ougrienne, XXVI, Helsinki, 1909, стр. 16—22, 29—42, табл. IV, V, IX, X, XI (приложена маршрутная карта); 2) Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909. Journ. de la Soc. Finno-Ougrienne, XXVIII, Helsinki, 1912, стр. 17—67, табл. I—XXIII (приложено 3 маршрутных карты); 3) Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei. Journ. de la Soc. Finno-Ougrienne, XXVIII, Helsinki, 1912 (1907), стр. 1—55 (с приложением таблицы тамгообразных знаков).

Сейчас плиты эти от времени сильно покосились наружу. Лучше всего плиты ограждения сохранились в юго-восточной, юго-западной и северо-западной частях. Изнутри оградка заполнена плотной каменной наброской, которая по внешнему виду не кажется потревоженной.

На юго-восток от фигуры и оградки тянется длинный ряд вертикально врытых простых камней (рис. 9). Общее количество этих камней (балбалов) 12, из которых 5 были обнаружены поваленными.

Материал, из которого была изготовлена фигура, — белый с желтоватым оттенком известняк (структура камня очень непрочна). Голова статуи отбита и найти ее нам не удалось.

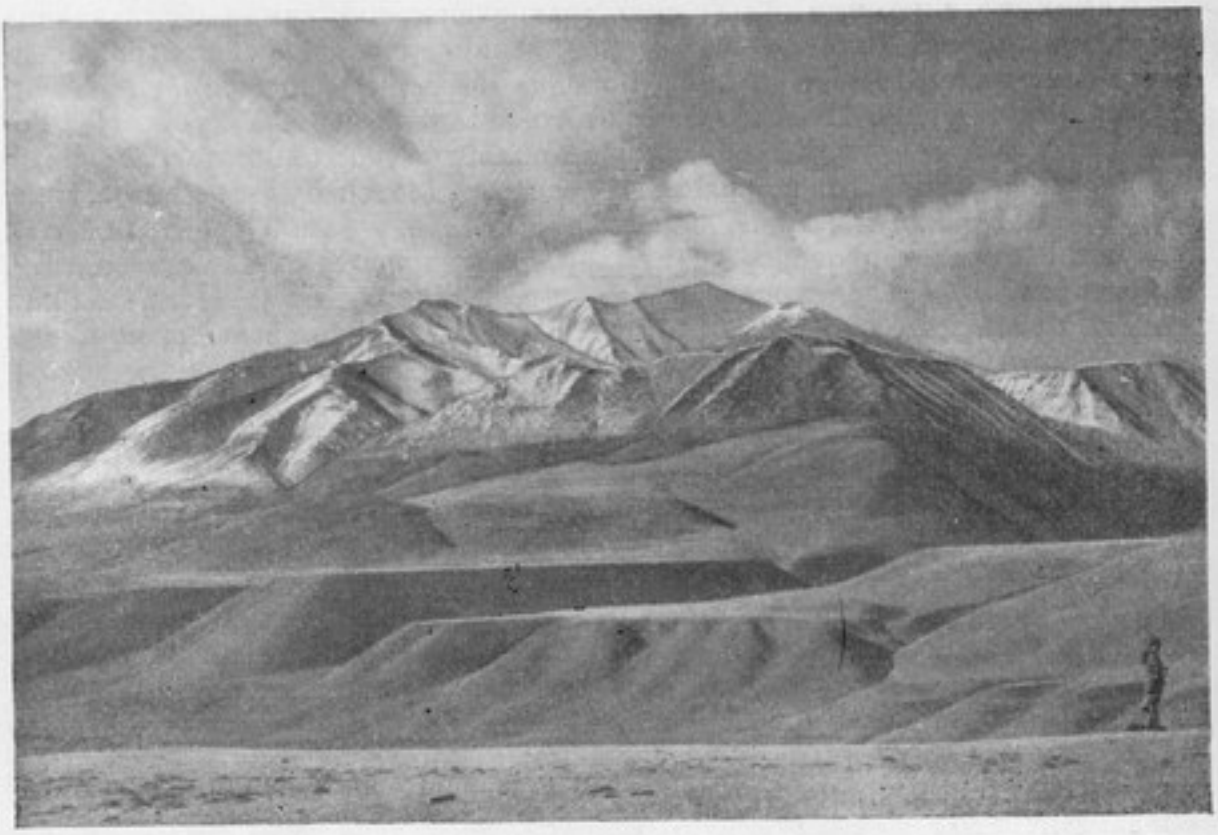

Рис. 7. Сумон Моген-буреи (пейзаж). (Фото автора; МАЭ, № И-1595-153).

Размеры изваяния № 2: общая высота (от дневной поверхности) 0.78 м, ширина плеч 0.29 м.

По общему облику данное изваяние сильно отличается от каргынского (изваяние № 1) своей округлой, объемной формой (рис. 10; каргынская фигура имеет более уплощенную форму). В правой руке изваяния — сосуд, левая его рука расположена непосредственно на поясе (пальцы левой руки еле различимы, но тем не менее можно проследить, что большой палец отогнут, в то время как остальные пальцы сложены вместе). Трапециевидные мышцы рук показаны легкими округлостями.

С левой стороны (почти до уровня сосуда) спускается полукруг, который, повидимому, некогда изображал край одежды. К сожалению, дополнить это наблюдение невозможно, так как симметричная часть тела (правое плечо и часть груди) сбита. В числе повреждений статуи следует еще назвать большую выбоину в нижней части фигуры.

От пояса, покрытого крупными четырехугольниками поясных блях, спускается в правой части широкий ремень для сабли или меча. На поясе

имеется изображение поясной пряжки. По форме пряжка овальная, с прямоугольным обрезом короткого приемника, несколько более узкого, чем сама пряжка. Пряжка эта принадлежит к тому же типу, что и пряжка, обнаруженная на одном изваянии близ Арыг-Бажи (Тува).[1]

С правой стороны пояса свисает *каптаргак* (назначение подобных мешочков подробно разбиралось при анализе „инвентаря" каргынского изваяния). Отметим только, что теперь, в связи с обнаружением двух неизвестных ранее каменных изваяний в Монгун-Тайге, число изваяний, имеющих *каптаргак* и зафиксированных на территории Тувы, дополняется до восьми экземпляров.

Рис. 6. Каменное изваяние и оградка древнетюркского времени (общий вид). Монгун-Тайга, район Моген-Бурена. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-161).

Из „инвентаря", изображенного на разбираемой статуе, остался нерассмотренным лишь сосуд, который фигура держит в правой руке. Рассмотрение его имеет, между тем, весьма существенное значение. По форме сосуд этот представляет собой круглодонную чашу. Сравнение показывает, что данный сосуд находит себе аналогии среди десятой группы сосудов, обнаруженных на каменных изваяниях (по классификации Л. А. Евтюховой).[2] Сосуды такого типа были распространены на территории Монголии (урочище Орта-Булак,[3] урочище Томен-Сулин-Гол[4]) и Алтая (урочище Шибе на р. Урсуле[5]). Л. А. Евтюхова, привлекая весьма разнородный круг источников — материалы, опубликованные в атласе „Восточное серебро",[6] и в том числе материалы из клада, от-

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 110, 83, рис. 19, *66, 1*.
[2] Там же, стр. 108, рис. 63, *X*.
[3] Там же, стр. 98, рис. 46, *3*.
[4] Там же, стр. 99, рис. 49, *2*.
[5] Там же, рис. 71, *4*.
[6] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. С, *213—216*.

крытого у с. Нюкского Верхнеудинского округа Забайкальской области (четыре чашечки, найденные вместе с монгольскими пайцзами),[1] — полагает, что чаши подобного облика датируются более поздним временем, нежели все остальные типы сосудов, обычно находимых на каменных изваяниях. Правомочность приведенных датировочных соображений трудно оспаривать.

Со своей стороны нам хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь: чаши разбираемого типа, которые встречены и в Монголии, и на Алтае, и, наконец, в Туве (Моген-Бурен), на всех изваяниях, где

Рис. 9. Каменное изваяние, оградка и камни-балбалы древнетюркского времени (вид сзади). Монгун-Тайга, район Моген-Бурена. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-133).

они имеются, изображены в весьма однородной манере — все они глубоко „утоплены" в кисти руки человека, держащего чашу. Иногда данная трактовка положения сосуда в руке настолько утрирована, что изображение кисти руки почти совершенно сливается с изображением сосуда — Моген-Бурен (Тува), Шибе (Алтай), Орта-Булак (Монголия).

Принимая приведенные выше соображения о несколько более поздней датировке сосудов разбираемого типа, приходится распространить эти соображения и на общую датировку древнетюркского каменного изваяния из района Моген-Бурена. Выше уже указывалось, что изваяние № 2 подобно каргынскому находится в непосредственной близости от многочисленных погребальных комплексов. Типы погребальных сооружений в целом те же, что и в долине р. Каргы. Представлены здесь и херексуры (рис. 11), и простые каменные насыпи, а также различного типа оградки со стелами. В числе оградок имеются памятники со стелами, установленными у восточной грани ограждения (рис. 12).

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XCIII, *176, 177, 178;* XCIV, *179, 108.*

Каменное изваяние № 3. Это неизвестное в литературе каменное изваяние было открыто и впервые обследовано в 1949 г. проф. Л. П. Потаповым во время проведения полевых работ возглавляемой им Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР. Местонахо-

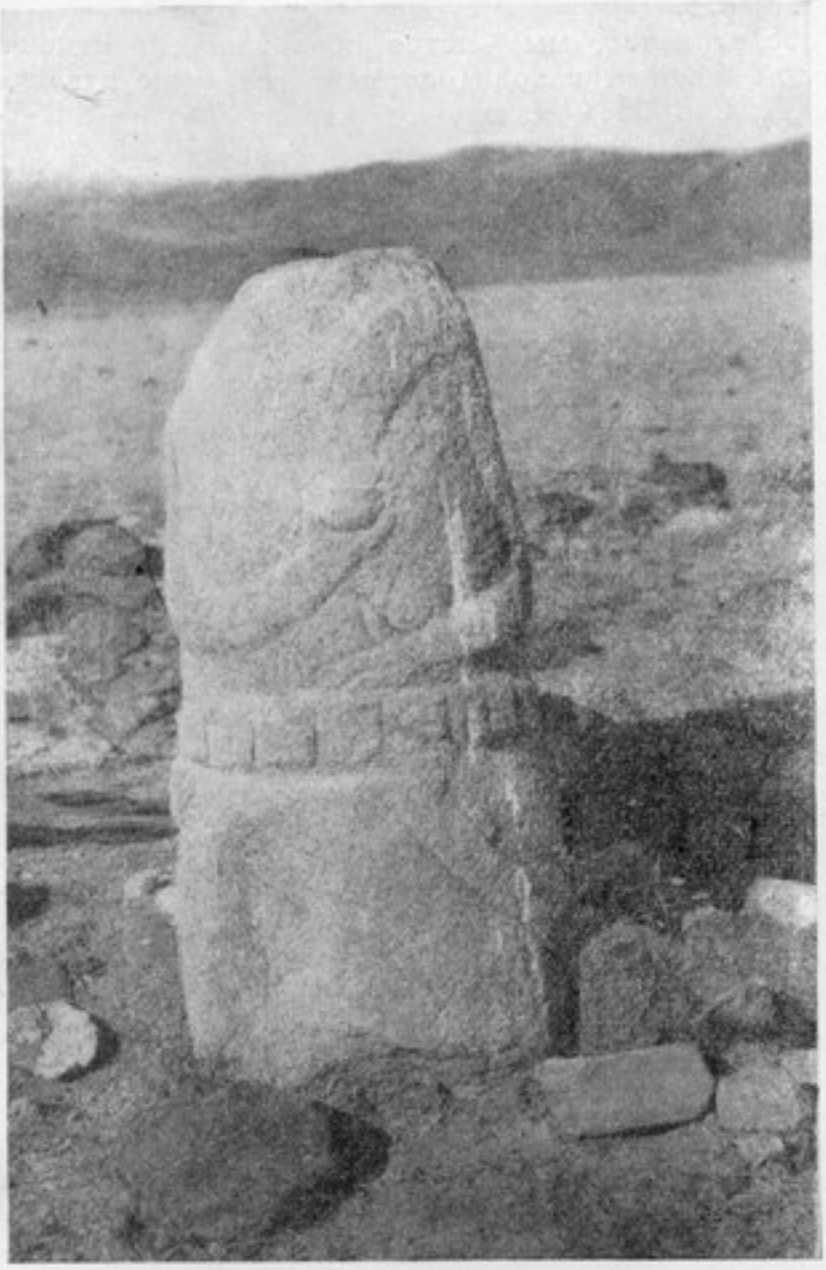

Рис. 10. Каменное изваяние древнетюркского времени (крупный план). Монгун-Тайга, район Моген-Бурена. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-160).

ждение памятника — сумон Бай-Тал (Бай-Тайга). Из материалов Л. П. Потапова, хранящихся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, ясно следует, что во время его маршрута на территории Бай-Тайги памятник находился во вполне удовлетворительном состоянии[1] — значительный фрагмент статуи (примерно до пояса фигуры) еще был установлен у восточной стороны оградки.

[1] Фототека МАЭ, № И-1251-197, 198, 200, 201.

В 1953 г. это изваяние было нами обследовано. Было установлено, что часть фрагментов фигуры, в том числе и голова ее, находилась у обочины дороги, ведущей из Тээли в сумон Бай-Тал. Как нам удалось установить путем расспросов жителей сумона Бай-Тал, памятник был разрушен в июле 1953 г., т. е. за несколько месяцев до нашего прибытия на место.

Начав обследование, мы быстро обнаружили и каменную оградку, возле которой некогда находилось разбитое ныне изваяние. Оградка эта расположена в 25 м к югу от дороги Тээли—Бай-Тал. В плане

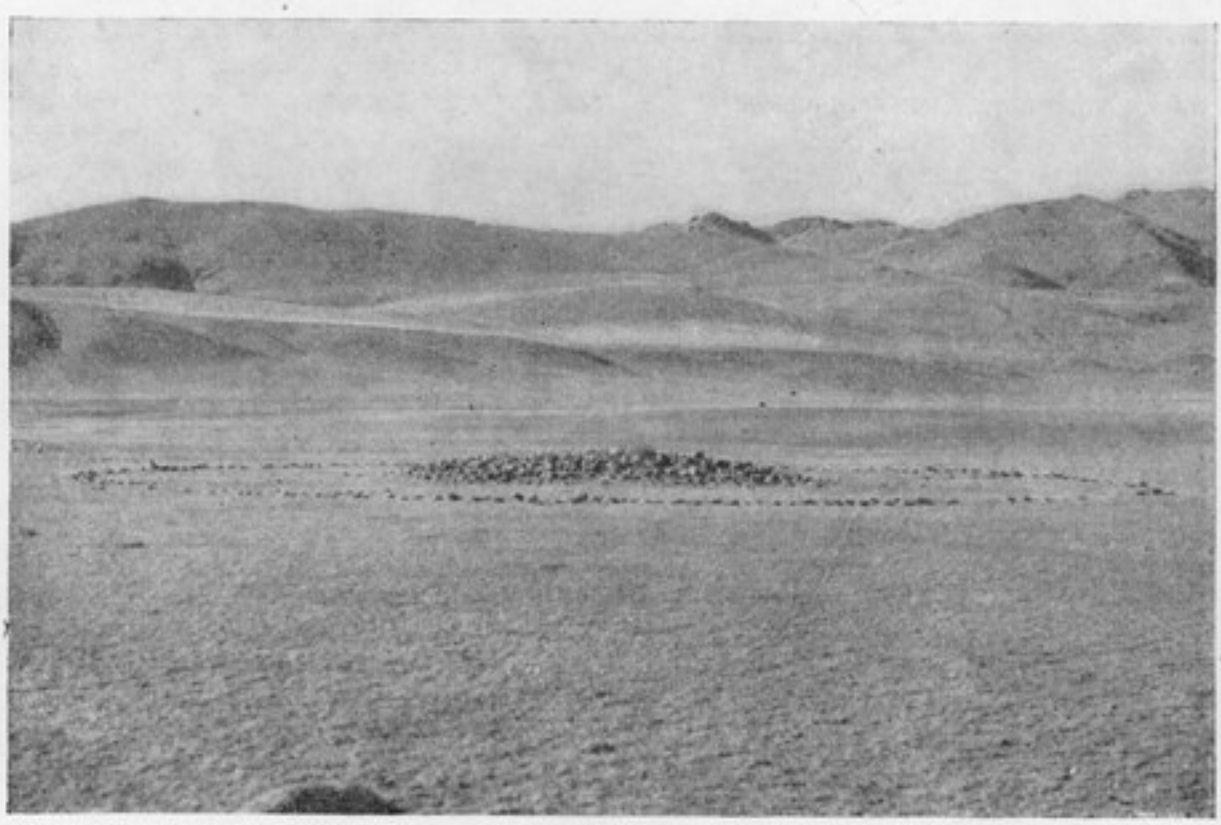

Рис. 11. Херексур. Монгун-Тайга, район Моген-Бурена, могильник четвертой террасы. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-142).

оградка подквадратная (длина каждой ее стороны 2.65 м). Ориентирована оградка сторонами по странам света. Сохранность камней внешнего ограждения в целом вполне удовлетворительная. Что же касается камней внутренней наброски, то они почти все выкинуты наружу, за пределы ограждения, внутри которого сохранилась самая разнообразная часть камней.

Изваяние было некогда установлено вплотную у края восточной стенки каменной оградки, — об этом свидетельствует сохранившаяся (вкопанная в землю) нижняя часть изваяния (основание статуи). Наибольшая сохранившаяся высота вкопанного фрагмента 0.25 м.

Несколько поодаль от первой оградки, метрах в 10 от нее, находится еще одна оградка, представляющая собой сооружение сходного типа, но более значительных размеров (размеры этой оградки $4.1 \times 3.7 \times 3.7 \times 4.5$ м). Ориентирована она так же, как и первая. Наброска внутри оградки сохранилась хорошо. Вместо изваяния у восточной стороны оградки установлена простая каменная стела (высота стелы 0.71 м, наибольшая ширина 0.23 м).

Голова каменного изваяния, стоявшего некогда у первой оградки, была нами доставлена в Музей антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ, колл. № 6119, рис. 13, *а*, *б*). Следует особо отметить, что эта голова представляет собой весьма интересный памятник древнетюркского искусства.

Черты сурового, широкоскулого лица отражают монголоидный тип. Широко посажены узкие миндалевидные глаза. Лоб с надбровьями и нос переданы одним рельефом. Усы изображенного мужчины опущены концами книзу и образуют полудугу, обрамляя рот. Подбородок резко

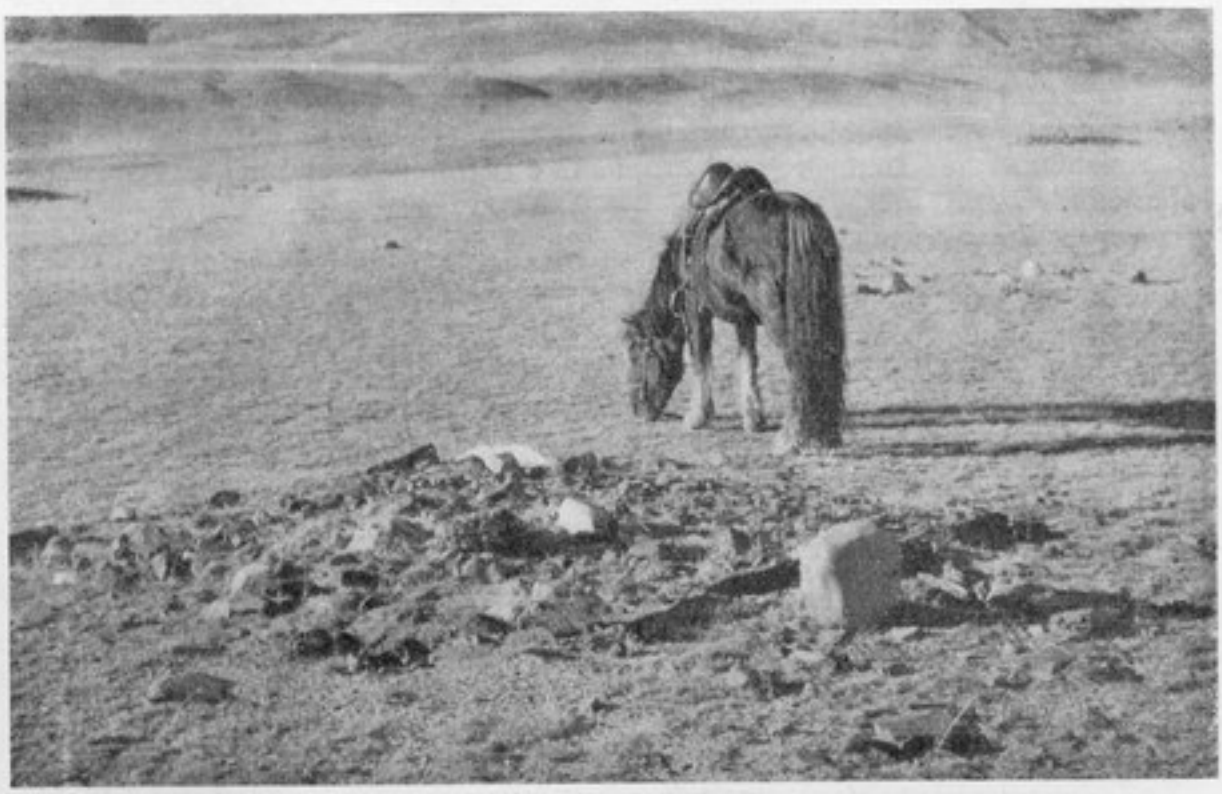

Рис. 12. Оградка со стелой (древнетюркское время). Монгун-Тайга, район Моген-Бурена, могильник четвертой террасы. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-144).

суживается книзу. Хорошо прослеживается одно ухо изваяния (какие-либо украшения отсутствуют), второе ухо сбито. В верхней части голова значительно повреждена, слегка поврежден также нос. Общая высота лица 0.36 м.

В верхней половине лобной части имеется едва заметный выгиб вперед. Выгиб этот является весьма ценным штрихом при общем анализе изваяния, так как позволяет установить форму головного убора, некогда изображенного на статуе. По классификации головных уборов, обнаруженных на каменных изваяниях, предложенной Л. А. Евтюховой, эти уборы подразделяются на четыре основных типа.[1] Сравнительный анализ показывает, что головной убор изваяния из Бай-Тала относится скорее всего к четвертому типу этой классификации. Головные уборы, относимые к этому типу, были найдены на двух изваяниях — в урочище Олоту (Монголия) и в Арыг-Бажи (Тува).[2] Шапки этого типа имели

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 102—104, рис. 55—58.
[2] Там же, стр. 103 и сл., 83, 98 и сл., рис. 19, 47, *3*, 58.

конусообразный вид, причем верх шапки такого рода мог быть и острым и тупым.

В шапки сходного типа были облачены человеческие изображения, обследованные в Асхете (Монголия) экспедицией В. В. Радлова. В Асхете была открыта гробница с саркофагом и большой по площади каменной плитой с изображениями. В левом верхнем углу этой плиты имеется орхонская надпись, под которой изображена птица, сидящая на рогах тамгообразного изображения горного козла. Основной же сюжет изображений на плите — три человеческие фигуры с сосудами в руках, облаченные в упомянутые выше остроконечные шапки с выступом, прикрывающим затылок.[1] Шапки такого типа можно сблизить с головным убором из Ноин-Улы (шестой курган).[2]

Из этнографических материалов известно, что устойчивая традиция сохранила этот древний тип шапок у населения Монголии и Тувы, бытовавший на данных территориях с гуннской эпохи и тюркского времени.

* * *

Помимо неопубликованных ранее изваяний, автор настоящей работы в течение сезона полевых работ 1953 г. обследовал еще семь различных каменных изваяний — три изваяния в районе Булуна (Бай-Тайга),[3] два изваяния в 2 км от скал Бижиктиг-Хая (Барун-Хемчик),[4] находящихся возле каменной оградки тюркского времени (ориентация оградки по странам света, размеры 4.9 × 5.4 м), одно изваяние в степи Манайлыг-Хову (Дзун-Хемчик)[5] и, наконец, еще одно изваяние в Барлыкской степи, в виду скал Бижиктиг-Хая (Барун-Хемчик). Нет нужды особо подробно останавливаться на характеристике всех этих уже известных в литературе каменных изваяний. Однако на характеристике одного из них — памятника в Барлыкской степи (с соответствующим сравнением его со статуей в степи Манайлыг-Хову) — стоит остановиться более или менее обстоятельно.

Древнетюркское каменное изваяние, о котором идет речь (рис. 14—16), расположено в самом сердце Барлыкской степи, в 3 км от скал Бижиктиг-Хая, известного в Туве местонахождения наскальных рисунков и старинных надписей XIV в. на китайском, старомонгольском и тибетском языках[6] (от Кызыл-Мажалыка изваяние находится в 6 км). Это изваяние до сих пор пользуется широкой известностью среди местного тувинского населения под названием статуи „Чингиз-хана".

---

[1] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I, СПб., 1892, табл. XV, *2*. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 103 и сл. рис. 59.

[2] Camilla Trever. Excavations in Northern Mongolia (1924—1925) Leningrad, 1932, табл. 23, *3—4*. — Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 104, рис. 60.

[3] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 85 и сл., рис. 22, 23, *2*.

[4] Там же, стр. 89 и сл., рис. 30, 31. — С. Р. Минцлов, ук. соч., стр. 300. — Фототека МАЭ, № И-1251-630—640 (материалы Л. П. Потапова).

[5] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 83 и сл., рис. 20. — А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 419—421, табл. II, *9*. — С. Р. Минцлов, ук. соч., стр. 300 и сл., табл. V, *2*. — М. Грязнов и Е. Шнейдер. Каменные изваяния Минусинских степей. Матер. по этнограф., т. IV, вып. 2, 1929, табл. VII, *63*. — Фототека МАЭ, № И-1251-97—100 (материалы Л. П. Потапова). Фото с этого изваяния представлено также в экспозиции Тувинского областного краеведческого музея.

[6] А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 436—439, табл. XXI, *40*. — Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция, стр. 124 и сл. — А. Д. Грач. Археологические исследования в западной Туве. Кратк. сообщ. Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, вып. XXIII, 1955, стр. 30 и сл.

а *б*

Рис. 13. Голова древнетюркского каменного изваяния. Бай-Тайга, Бай-Тал. (Колл. МАЭ, № 6119).

а — вид спереди, *б* — вид сбоку.

Этот выдающийся памятник древнетюркского искусства был открыт в 1881 г. А. В. Адриановым, производившим в то время первые археологические изыскания на территории Тувы.[1] А. В. Адрианов описал памятник и зафиксировал определенные этнографические мо-

Рис. 14. Каменное изваяние древнетюркского времени. Барун-Хемчик, Барлыкская степь. (Фото автора; МАЭ, № И-1595-478).

менты, с ним связанные, о которых речь еще пойдет ниже. Много позже изваяние в Барлыкской степи было обследовано С. Р. Минцловым.[2] Затем этот памятник был учтен во время обследований, проводившихся в 1942 г. Тувинским Государственным музеем (ныне Тувинский областной краеведческий музей). Те данные, которые были опубликованы после этого обследования, давали лишь краткое упоминание об

[1] А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 416—418, табл. III, *4*.
[2] С. Р. Минцлов, ук. соч., стр. 299 и сл., табл. IV, *1*; V, *1*.

этом изваянии, не сопровожденное какими-либо детальными данными.[1] В 1949 г. изваяние было обследовано экспедицией Л. П. Потапова (материалы обследования находятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР).[2] Самые общие данные об этом изваянии были опубликованы

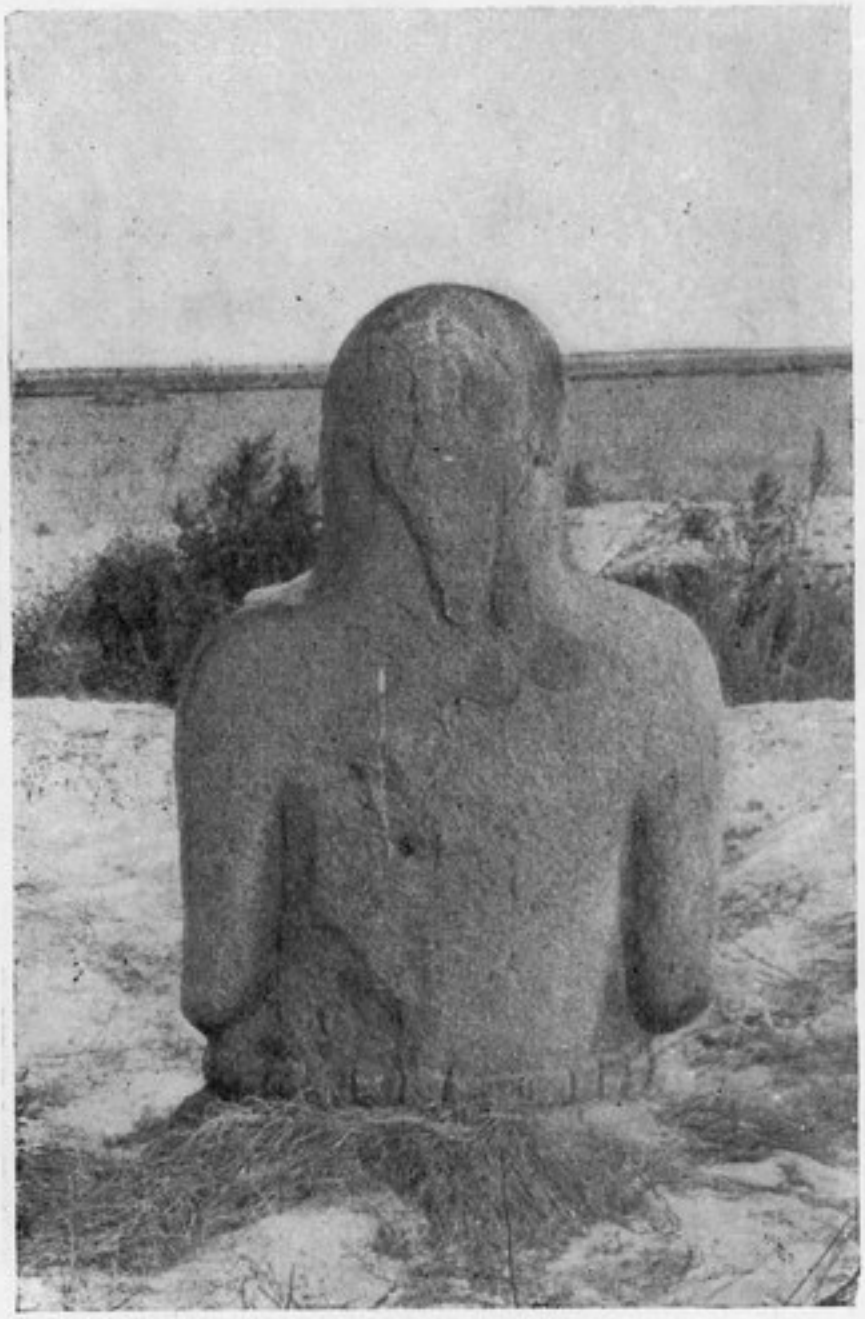

Рис. 15. Каменное изваяние древнетюркского времени (вид сзади). Барун-Хемчик, Барлыкская степь. (Фото А. В. Маторина; МАЭ, № И-1617-199).

в сводном труде Л. А. Евтюховой (там же была дана и схематическая прорисовка).[3]

Нами было установлено, что в настоящее время, так же как и во времена А. В. Адрианова, изваяние примерно по пояс находится в земле

[1] Н. Богатырев, ук. соч., стр. 103.
[2] Фототека МАЭ, № И-1251-146—153.
[3] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 91 и сл., рис. 33.

(рис. 14). Ориентировано изваяние лицом на восток. В 5 м к востоку от статуи можно проследить расплывшуюся земляную насыпь. Насыпь *в плане округлая, при диаметре до 10 м.*

Изготовлена статуя из красивого, серого с розоватыми прожилками гранита. Порода камня, повидимому, подобрана с целью условной имитации цвета человеческого тела. Такой сорт гранита не был нами встречен нигде поблизости. Это дает основания полагать, что камень для изготовления изваяния был транспортирован издалека.

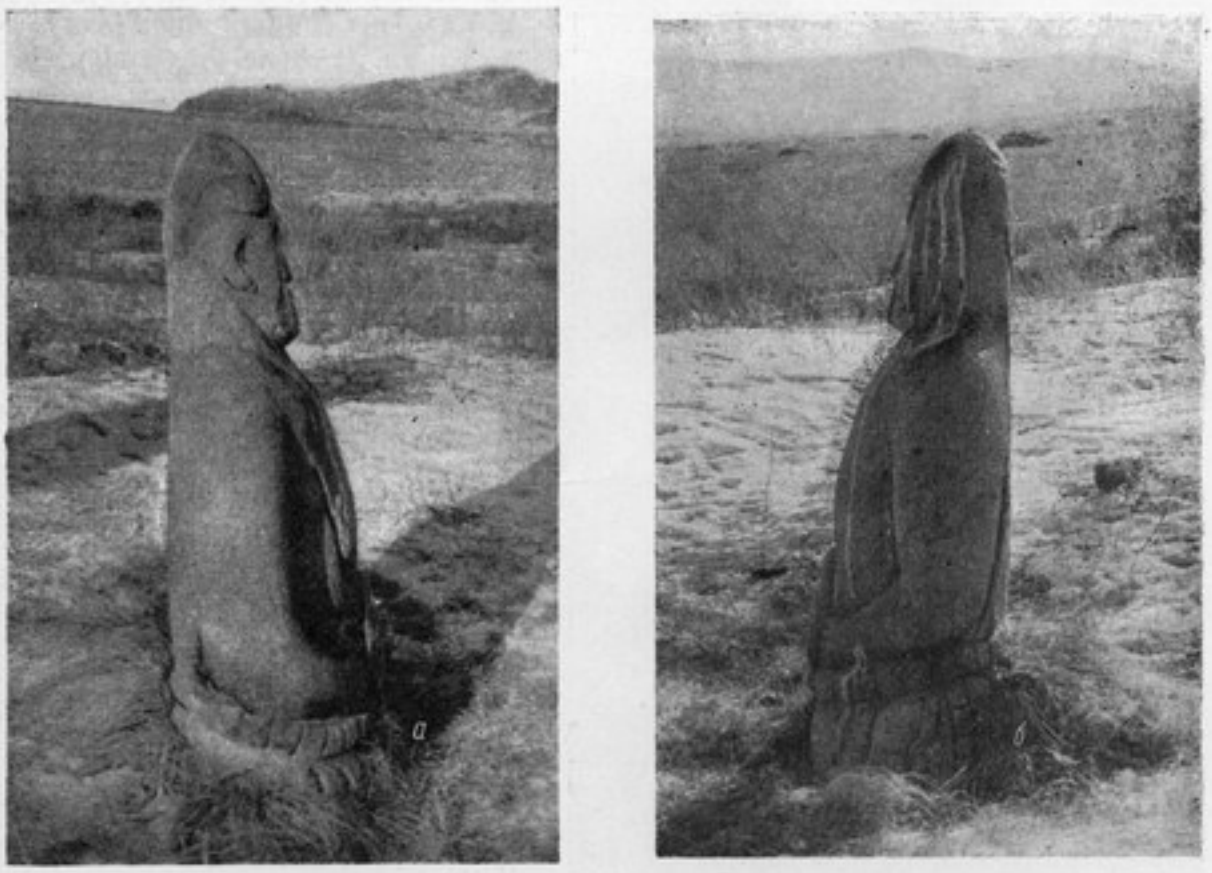

Рис. 16. Каменное изваяние древнетюркского времени. Барун-Хемчик, Барлыкская степь. (Фото А. В. Маторина; МАЭ, № И-1617-196, 197).

а — вид с правой стороны, *б* — вид с левой стороны.

Повреждена статуя в очень малой степени: прослеживается сбитость в правой части головы, имеется выбоина на правой половине груди и небольшая трещина на левой руке (рис. 14).

Обеими руками изображенный мужчина держит сосуд с округлым туловом, прямым горлом и прямо спрофилированной донной частью (высота сосуда 0.3 м). Руки, так же как и торс, демонстрируют в изображаемом объекте человека тяжелого телосложения, обладающего большой мускульной силой. Мускульная сила рук показана скупыми, но выразительными художественными средствами. На пальцах рук четко выделены ногти. Плечи изваяния немного покаты.

В смысле антропологической характеристики перед нами — типичный монголоид. Мужчина изображен широкоскулым, со слегка раскосыми глазами и уплощенной профилировкой лица.

Изваяние снабжено богатым поясным набором (рис. 17).

Размеры изваяния: общая высота (от дневной поверхности) 1.25 м, высота лица 0.44 м, ширина плеч 0.66 м.

По общему облику (стилистически) изваяние в Барлыкской степи весьма сходно с каменным изваянием, обследованным нами в степи Манайлыг-Хову (приблизительно на полпути между Шеми-Аксы и Чыргакы-Аксы).

В настоящее время это изваяние находится уже не в том виде, в каком его довелось наблюдать предыдущим исследователям, — оно было перетащено неизвестными лицами от места первоначального нахождения и сейчас лежит у самого тракта Кызыл—Кызыл-Мажалык (рис. 18). Идя по глубокому следу, мы обнаружили яму, в которой некогда было вкопано изваяние (расстояние — около 100 м от тракта). Надо думать, что изваяние подобно подавляющему большинству памятников этого рода в момент первоначальной своей установки было обращено лицом на восток.

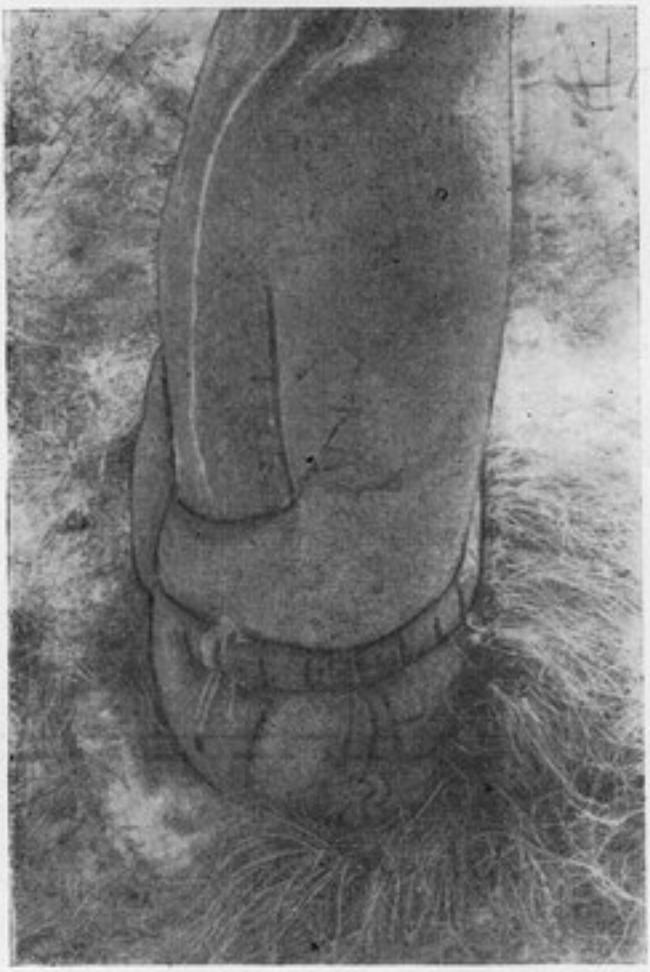

Рис. 17. Каменное изваяние древнетюркского времени (детали) Барун-Хемчик, Барлыкская степь. (Фото А. В. Маторина; МАЭ, № И-1617-194).

Размеры изваяния: общая высота (от основания статуи) 2.21 м, высота от линии вкапывания 1.57 м, ширина плеч 0.46 м, высота лица 0.41 м.

Таким образом, по масштабам данное изваяние в общем сходно со статуей Барлыкской степи. По аналогии с размерами фигуры, находящейся между Шеми-Аксы и Чыргакы-Аксы, можно полагать, что общая высота статуи в Барлыкской степи тоже превышает 2 м.

Обе фигуры объединяет разительная общность художественного стиля, в котором они исполнены. Нельзя, однако, не указать, что второе изваяние (степь Манайлыг-Хову) выполнено гораздо более схематично и прямолинейно, в то время как фигура в Барлыкской степи изготовлена с неизмеримо более умелым соблюдением основных пластических норм человеческого тела. Кроме того, при изготовлении Барлыкской статуи, ваятелю в гораздо большей степени удалась трактовка лица, которое производит на смотрящего сильное впечатление.

Помимо сказанного, хочется обратить внимание еще на два весьма существенных обстоятельства. Во-первых, надо подчеркнуть, что обе эти фигуры находятся вдали от каких-либо значительных скоплений могильных комплексов и таким образом не увязываются непосредственно с какими-либо могильниками; вторым важным моментом является положение сосуда — изваяние держит его в обеих руках. Это обстоятельство, отмеченное также на ряде других изваяний древнетюркского времени, заслуживает внимания.

* * *

С древнетюркскими каменными изваяниями связан ряд чисто этнографических моментов. В настоящей публикации мы остановимся в основном на трех вопросах: 1) терминология наименований каменных изваяний, 2) вопрос о почитании древних статуй современным населением, 3) некоторые фольклорные моменты.

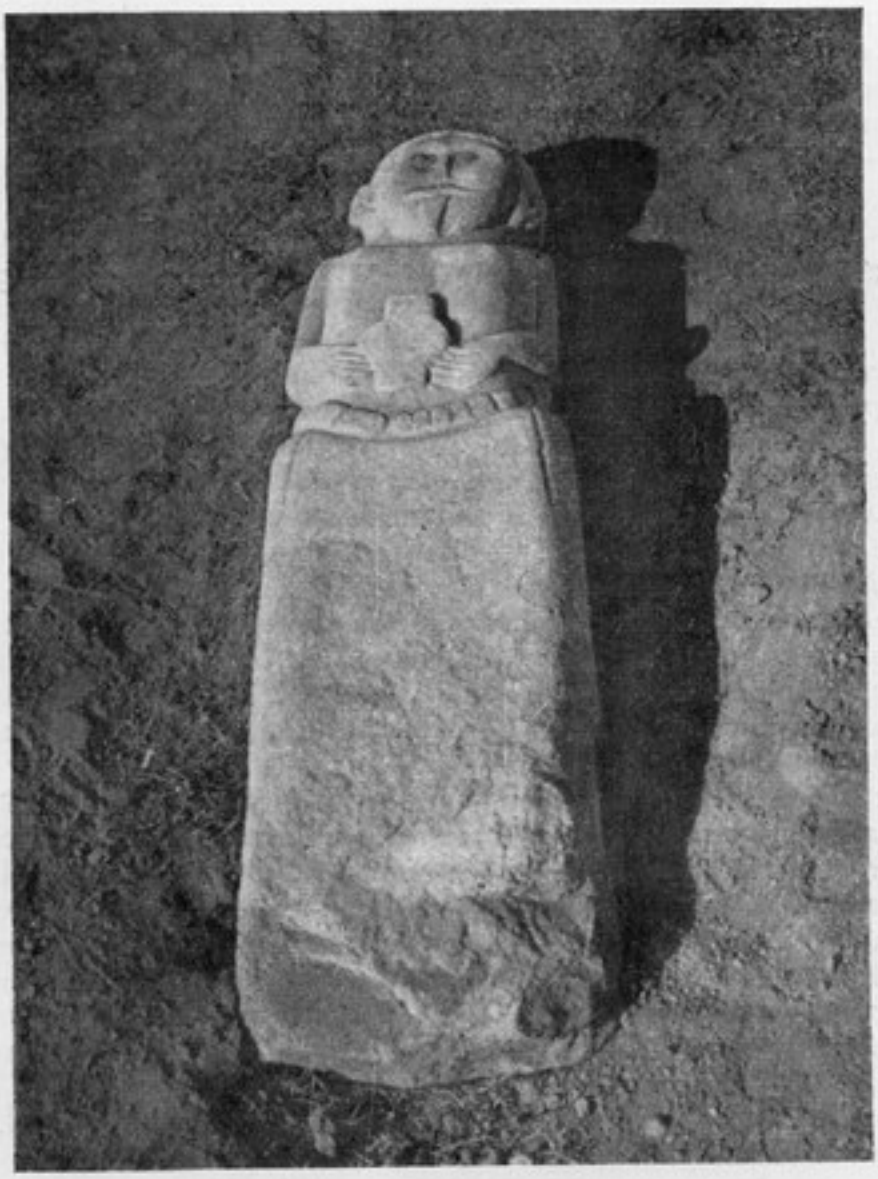

Рис. 18. Каменное изваяние древнетюркского времени. Дзун-Хемчик, степь Манайлыг-Хову (Фото автора; МАЭ, № И-1595-234).

1. В существующей этнографической и археологической литературе неоднократно освещался вопрос о терминологии тех наименований каменных изваяний, которые даются этим памятникам современным или почти современным монгольским и тувинским населением. Применительно к Монголии и Туве в старой литературе утвердился ряд неверных в терминологическом отношении звучаний, основанных на искаженном восприятии местных названий. Так, например, известный исследователь народов Центральной Азии, Г. Н. Потанин, при публикации материалов своих путешествий по северо-западной Монголии указывал: „Камни

с изображениями или без них, но в виде высоких столбов монголы называют *кишачило*, урянхайцы—*кишаташ*".[1] Этой же терминологии, но в несколько измененном транскрибировании придерживался А. В. Адрианов, который в качестве тувинского термина привел *кожӧ-таш*, а в качестве монгольского —*киша-чило*.[2]

Приведенные названия нельзя признать верными ни по транскрипции, ни по конкретному этнографическому содержанию термина.

Прежде всего необходимо указать, что тувинцы в отличие от монголов весьма дифференцированно именуют каменные изваяния, с одной стороны, и простые каменные стелы, в изобилии встречающиеся как в Туве, так и в Монголии, с другой. Об этой дифференциации понятий говорит прежде всего тувинский термин, обозначающий каменное изваяние — *кижи кӧжээ*, в котором наличествует подчеркивание специфики названия — „каменный человек". В Монголии каменные изваяния, равно как и стелы, именуются *хӯшӯ чолӯ*.[3] При наименовании каменных стел тувинское население употребляет термин *кӧжээ*.

2. Чрезвычайно интересным моментом является вопрос о почитании каменных статуй и, соответственно, вопрос о суевериях, с ними связанных и бытовавших среди населения Монголии и Тувы.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что почитание каменных изваяний в Монголии и сопредельных с нею территориях Тувы выражалось в иных формах, не отражало тот комплекс представлений (культ предков), который наблюдался в Хакассии.

В свое время было отмечено, что монгольское население относится к каменным изваяниям в высшей степени двойственно. С одной стороны, население суеверно почитает древние каменные изваяния. Почитание это, связанное со страхом, выражается в том, что каменным изваяниям приносятся жертвоприношения, а на древних могильных памятниках вешаются листки с текстами молитвенного содержания и мантрами. В то же время (это отражается в фольклоре), монголы часто относятся к статуям без того суеверного ужаса, который отмечен выше. Наконец, известно, что каменные изваяния делались иногда объектами мести (имеется в виду „месть" за порчу скота; причины порчи приписывались каменным изваяниям) — статуи либо уничтожались, либо закапывались в землю, либо с них сбивались головы.[4] В этой связи следует вспомнить данные, приведенные нами при описании древнетюркского каменного изваяния, обнаруженного в сумоне Моген-Бурен. Кстати сказать, значительная часть Монгун-Тайги и в том числе упомянутый сумон находились прежде в пределах Монголии, а не в пределах Урянхая (Тувы). По данным военного топографа П. Орлова (П. Орлов посетил указанный горный район в 1879 г.),[5] монгольский караул Урю, обозначавший границу, находился в долине р. Мугур,

---

[1] Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 64.
[2] А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 415.
[3] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. „Северная Монголия", II, предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 41.
[4] Там же, стр. 41.
[5] П. Орлов. Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году штабс-капитаном корпуса военных топографов Орловым. В кн.: Очерки северо-западной Монголии (результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению Имп. Русского Географического общества), вып. II, матер. этнограф., СПб., 1881, стр. 185 и сл.

примерно в 4 верстах от места впадения Мугура в Каргы, которая именовалась тогда Хариге или Харга (юрты караула находились, таким образом, как раз на месте обнаруженных нами значительных могильных комплексов в долине р. Мугур). Есть основания полагать, что изваяние в сумоне Моген-Бурен было повреждено (отбита голова) именно в связи с бытованием на территории Монголии упомянутых суеверий. Эти суеверия и являются причиной того, что на территории Монголии сравнительно редко можно обнаружить непотревоженные каменные изваяния in situ.[1]

В Туве в XIX в. можно было наблюдать обычай почитания каменных изваяний древнетюркского времени. В качестве почитавшейся статуи следует назвать знаменитое изваяние „Чингиз-хана", установленное в Барлыкской степи. Первый исследователь этого изваяния — А. В. Адрианов — дает детальное описание тех форм, в которых выражалось почитание этой статуи.[2]

Во время обследования памятника А. В. Адриановым он был обнесен обширным балаганом (*обо*) из хвороста, в два ряда перехваченным снаружи волосяным арканом. У восточной стороны балагана был устроен своеобразный треножник (плита, положенная на три колышка), на этом треножнике приносились (сжигались) жертвы. Ряд сходного типа, но меньшего размера треножников был устроен к северу, югу и западу от *обо*. Перед статуей, внутри *обо*, были развешаны ленточки. У входа была укреплена палка с поперечной перекладиной (в форме буквы „Т"). На поперечной палочке, на 13 стерженьках были укреплены фигурки животных (верблюда, быка, лошади, козла и др.), окрашенные в красную краску.

Сама статуя была выбелена; усы, брови и глаза ее были закрашены в черный цвет. Листовым золотом были выложены щеки и губы. Красная краска покрывала часть груди. На голове фигуры красовалась миткалевая шапка, а на туловище была надета рубаха.

Значение описанных А. В. Адриановым резных фигурок проясняется, если в качестве сравнительных данных использовать некоторые этнографические материалы Г. Н. Потанина. Экспедиция Г. Н. Потанина во время следования по территории Урянхайского края (Тувы) посетила на правом берегу р. Торгалыг (Торхолик — по транскрипции Г. Н. Потанина) большое *обо*, известное тогда под названием Модон-обо. Внутри *обо* находился столик с деревянными фигурками, которые изображали животных, приносимых в жертву.[3]

Бросается в глаза следующее обстоятельство — население почитало статую отнюдь не как изваяние древнего тюрка. Надо полагать, что легенда о каменном „Чингизе" вышла из среды ламского духовенства. В этом отношении достаточно вспомнить свидетельство А. В. Адрианова о том, что фигурки животных, игравших в обряде

---

[1] Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 41.

[2] А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 417—418. Сомнения, которые высказывает С. Р. Минцлов по поводу некоторых данных А. В. Адрианова, неосновательны (см.: С. Р. Минцлов, ук. соч., стр. 300). Мы имели возможность проверить данные А. В. Адрианова в 1953 г. и убедиться в действительном бытовании наименования „Чингиз-хана" применительно к древнетюркской статуе в Барлыкской степи. Сходные сведения приведены и у Н. Богатырева (см.: Н. Богатырев, ук. соч., стр. 103).

[3] Г. Н. Потанин, ук. соч., стр. 119. — В. А. Обручев. Путешествия Потанина. М.—Л., 1953, стр. 85.

почитания „Чингиза" весьма важную роль, изготавливались (вырезались) ламами.[1]

3. Весьма значительный интерес представляют собой этнографические материалы, собранные антропологом А. А. Ивановским во время его поездок к тарбагатайским торгоутам (западные монголы) и киргизам в 1888 и 1889 гг. (материалы эти были доложены на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г.).[2]

Следует отметить зафиксированное А. А. Ивановским сочетание обряда сожжения (сжигались наиболее почитаемые лица) и обычного способа захоронения — оставление трупа на поверхности. А. А. Ивановский указывает, что с обрядом сожжения сочетается установка глиняных баб. В свете его материалов вырисовывается и еще одна деталь — пепел умершего смешивается с той глиной, из которой изготавливаются изваяния. Изваяния устанавливались на том же месте, на котором производилось сожжение. Термин, которым именуются эти фигуры, сходен с тем наименованием, которое носят древние каменные бабы (А. А. Ивановский приводит искаженный термин — *кошачулу*,[3] правильно — *хӱшӧ чолӯ*). Замену древних каменных изваяний поздними глиняными монголы мотивировали наставлениями мифологического героя Мэркыта, а также фактом землетрясения, уничтожившего изваяния из камня. Сосуд, находящийся в правой руке изваяния, необходим был, по словам информаторов А. А. Ивановского, для помещения туда части пепла умершего.

Трудно недооценить значение приводимого материала. В данном этнографическом комплексе несомненно нашли отражение какие-то несравненно более древние представления, сохранившиеся в виде отдельных реликтов и уходящие своими корнями в культовые представления мира древних кочевников-тюрков.[4]

* * *

По вопросу о том, кого изображали каменные изваяния при оградках, и по вопросу о роли самих оградок в современной археологической и историко-этнографической литературе высказан ряд точек зрения. Одна из существующих концепций высказана в известном сводном труде Л. А. Евтюховой „Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии".[5] В этой работе Л. А. Евтюховой сделан ряд выводов первостепенного историко-археологического значения, касающихся древней этногеографии Центральной Азии, среди которых основное место занимает вывод, вполне обоснованно фиксирующий невозможность вхождения Тувы в область расселения древних хягасов, территория которых ограничивалась собственно Минусинской котловиной (делая этот вывод, Л. А. Евтюхова не снимает вопрос о военном проникновении кыргызов на юг в ходе борьбы с тугю, а позднее с уйгурами).

---

[1] А. В. Адрианов, ук. соч., стр. 418.

[2] А. А. Ивановский. а) О совместности погребения и сожжения, б) о каменных бабах и в) о намогильных камнях — по данным современной этнографии. Тр. VIII Археологического съезда в Москве (1890 г.), т. IV, 1897, стр. 184 и сл.

[3] Там же, стр. 185.

[4] Я не разделяю того скептического отношения, которое было проявлено Н. И. Веселовским в связи с публикацией этнографических материалов А. А. Ивановского (Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 415 и сл.). Н. И. Веселовский в данном случае явно не учел того обстоятельства, что, помимо представлений буддистского круга, у монголов, как и у других народов Центральной Азии, широко бытовали представления гораздо более раннего происхождения и, в частности, представления, связанные с шаманизмом.

[5] Материалы и исследования по археологии СССР, № 24 (Материалы и исследования по археологии Сибири, т. 1), стр. 113—118, 120.

Что касается древнетюркских каменных изваяний при оградках, то тут Л. А. Евтюхова в конечном счете исходит из того, что каменные изваяния, по ее мнению, изображали самих умерших. Основной довод, выдвигаемый при этом, — усматриваемое Л. А. Евтюховой стремление при изготовлении фигуры в каждом отдельном случае персонифицировать изваяние путем придачи ему различных индивидуальных черт.[1]

Ряд весьма плодотворных концепций был предложен по данному кругу вопросов Л. П. Потаповым. В ряде выводов и, в частности в вопросе о датировке каменных изваяний, Л. П. Потапов солидаризируется с данными Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева.[2] Наряду с этим, разработав ряд документальных источников, Л. П. Потапов предложил свою трактовку поминальных оградок, которые, по его мнению, являлись местом ритуального сожжения покойного вместе с его инвентарем. Л. П. Потапов усматривает в этом проявление и отражение более древней традиции.[3]

При рассмотрении проблемы этногенеза алтайцев, разбирая роль и значение в их этногенезе кыпчакских элементов, Л. П. Потапов вновь обратился к материалам, которые дает изучение каменных изваяний, и выдвинул гипотезу, согласно которой значительная часть каменных изваяний принадлежит кыпчакам.[4] Выдвигая это положение, Л. П. Потапов принял в расчет свидетельства Вильгельма Рубрука (Дешт-и-Кыпчак), а также Низами Гянджеви (Улус Джучи), освещавших ряд более поздних по времени данных, относившихся к погребальному обряду кыпчаков XIII в.[5]

Вопроса о функции каменных изваяний недавно вновь коснулся А. Н. Бернштам, рассмотревший его в связи с анализом искусства эпохи тюркского каганата. Основываясь на данных китайских источников, А. Н. Бернштам предложил компромиссную точку зрения, полагая, что дебаты по вопросу о значении древнетюркских каменных фигур „должны примириться в выводе о двоякой функции балбалов". По мнению А. Н. Бернштама, каменные фигуры в равной степени могли изображать как самого покойного, будучи „изваяниями портретного характера", так и его „слугу в потустороннем мире".[6]

* * *

Обратимся к древним письменным источникам, иллюстрирующим погребальные обряды орхоно-алтайских тугю. Классическим источником, освещающим многие важные вопросы истории, культуры и быта тугю, в том числе и особенности их погребального ритуала,[7] является знаменитая китайская династийная летопись эпохи Тан (Тан-шу), составленная в период правления династии Сун. Судя по сведениям, которые можно почерпнуть из Тан-шу, погребальный ритуал тугю слагался из целого ряда элементов и подразделялся на два основных этапа.

---

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния. . ., стр. 116. Такой вывод разделяет и С. В. Киселев (Древняя история Южной Сибири, стр. 528).

[2] Л. П. Потапов, ук. соч., стр. 18, 144.

[3] Там же, стр. 18.

[4] Там же, стр. 144 и сл.

[5] Там же, стр. 144.

[6] А. Н. Бернштам. 1) Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Матер. и исслед. по археолог. СССР, № 26, 1952, стр. 143; 2) Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 63.

[7] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.—Л., 1950, стр. 230.

I этап. Тело покойного помещалось в „палатке“ (здесь, надо полагать, имеется в виду юрта), затем производилось приношение в жертву лошадей и овец. Весьма примечательным обстоятельством являлось то, что в жертвоприношениях принимали участие не только сыновья и внуки покойного, но и „родственники обоего пола“.

Принеся перед „палаткой“ в жертву предназначенных для этой цели животных, участники обряда жертвоприношений семь раз объезжают вокруг „палатки“ на лошадях, после чего перед входом в нее производят оплакивание покойника, одновременно делая надрезы на лице (летопись отмечает, что при этом „кровь и слезы совокупно льются“).[1] Процедура оплакивания и ритуального надрезания лица повторяется семикратно. На этом завершается первый этап погребальной обрядности.

II этап. Основной момент этого подразделения погребального ритуала тугю — сожжение как тела покойного, так и вещей, которыми он пользовался при жизни, а также лошади, на которой он ездил. Пепел кладут в могилу в строго определенное время года: „Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть или опадать; умершего осенью или зимою хоронят, когда цветы начинают развертываться“.[2]

В день похорон вновь скачут на лошадях родные покойного (надрезы на лице производятся так же, как и в день его смерти); вновь приносятся жертвы.

При могиле строится здание, в котором устанавливается „нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни“.[3] Очень важным элементом погребальной обрядности являлся еще один обычай увековечения военных подвигов умершего знатного тюрка — обычай установления камней, число которых соответствует количеству врагов, лично убитых покойным.

При завершении сопутствующих погребению жертвоприношений головы принесенных в жертву животных (овец и лошадей) „вывешивают... на вехах“. Далее летопись сообщает, что „в этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище (на территории могильника, — *А. Г.*); если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают“.[4]

Таковы те сведения, которые можно почерпнуть из летописи Тан-шу для характеристики обрядности, соблюдавшейся при погребении знатных людей у тугю (Н. Я. Бичурин специально указывает, что в Тан-шу „описываются похороны хана и по нем знатных и богатых людей“).[5] Какие именно детали относятся только к похоронам кагана (хана) и самых высших представителей знати орхоно-алтайских тугю?

Археологические памятники бассейна Орхона позволяют заключить, что наиболее пышное проявление обряда — построение здания при могиле[6] — является, надо полагать, тем основным, специфическим, что присуще похоронам именно этой категории лиц (каганы и самая высшая знать). Все же остальные детали похоронного ритуала тугю, опи-

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., стр. 230.
[2] Там же.
[3] Там же. Относительно перевода Н. Я. Бичурина см. стр. 428 и сл. настоящей работы.
[4] Там же, стр. 230.
[5] Там же.
[6] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Труды Орхонской экспедиции, т. IV, СПб., 1897.

санные в Тан-шу, являлись, повидимому, универсальными для знати тугю вообще.

Следует указать на то, что в совершении похоронных обрядов по умершим каганам или членам правящей фамилии тугю часто принимали участие представители, делегированные китайским императором. Так, например, при известии о смерти Кюль-Тегина (Кюе-Дэлэ) (731 г. н. э.) в каганат были „отправлены военачальник Чжан-Кюй-и и сановник Люй-Сян с манифестом за государственной печатью утешить (речь шла об утешении брата покойного, Бильге-кагана, — *А. Г.*) и принести жертву".[1] Императором было отдано повеление о том, чтобы был построен храм, по всем четырем стенам которого должны быть живописно изображены виды сражений (было направлено к тугю „шесть превосходных художников"),[2] и, наконец, повеление об установке статуи покойного Кюль-Тегина.

Когда умер Бильге-каган (Могилян), для „утешения и жертвоприношения" китайский император направил к тугю председателя княжеского правления князя Цуаня.[3]

В плане изучения каменных изваяний интересующего нас круга особо принципиальное значение имеют два обстоятельства — факт установки „нарисованного облика покойного" и наличие балбалов, каждый из которых являлся обозначением уничтоженного врага.

Археологическое обследование усыпальниц орхонской знати совершенно определенно показывает, что в числе балбалов фигурируют и каменные изваяния, установленные в ряды, ориентированные на восток.[4] Факт, казалось бы, трудно объяснимый — ведь в танской летописи речь идет только о простых камнях-балбалах. Обратимся, однако, к орхонским камнеписным текстам.

Обычно считают возможным комбинировать китайские сведения с теми данными, которые можно извлечь из древних орхонских текстов. Особое значение в этом плане имеют надписи из Кошо-Цайдама.

Как уже было отмечено рядом авторов, первостепенный интерес в интерпретации каменных изваяний представляет известная надпись, установленная Бильге-каганом в честь Кюль-Тегина. В этой надписи, где повествование идет от имени самого Бильге-кагана, говорится: „В честь моего отца-кагана [речь идет об отце автора надписи, Ильтерише (Эльтерес-кагане), — *А. Г.*], во главе (вереницы могильных камней) поставили балбалом (изображение) Баз-кагана . . .".[5] Кто такой Баз-каган? Судя по историческим сведениям, Баз-каган был владетелем, враждебным Ильтериш-кагану. Более того, известно, что Баз-каган погиб в борьбе с Ильтериш-каганом.

Перечень хорошо известных фактов, расшифровывающих значение термина „балбал", не исчерпывается только лишь этим. Известно, например, что когда скончался сам Бильге-каган, отравленный своим сановником Мэйлучжо (перед смертью он успел казнить как самого Мэйлучжо, так и весь род коварного сановника), в честь покойного кагана был сооружен храм, и китайский император дал указание уче-

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., стр. 276 и сл.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 277.
[4] В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I, табл. XIV, 2.
[5] Цит. по: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 38. — П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русского Археолог. общ., т. XII, 1899.

ному Ли Жуну сочинить надпись на стелу,[1] а балбалом ему было поставлено изображение Куг-Сенгуна. К этому надо добавить, что в надписи в честь Бильге-кагана указывается, что Куг-Сенгун выступал в качестве противника тугю и возглавлявшееся им сорокатысячное войско было разгромлено тюркскими войсками.[2]

Эта же деталь ритуала (установка статуи врага во главе вереницы могильных камней) была соблюдена и при похоронах Мочжо-кагана, балбалом которому было поставлено изображение кагана кыргызов.[3]

То же самое было отмечено при обследовании большого камня в Кошо-Цайдаме, находившемся в системе „погребальных камней", на котором обнаружилась надпись, гласящая, что этот камень — „балбал шада тӧлёсов".[4]

Таким образом, в свете данных орхоники вряд ли можно сомневаться в том, что термином „балбал" обозначалось у тугю прежде всего каменное изваяние, изображавшее поверженного врага. Вполне очевидно также, что этим термином называли и простые камни, составлявшие „вереницы могильных камней". Двоякое в этом смысле значение термина „балбал" представляется несомненным.

Из текстов видно, что каменные изваяния изображали на Орхоне наиболее сильных, наиболее влиятельных врагов покойного тюркского кагана или знатного тюрка. Это положение как будто не опровергается и соответствующими археологическими материалами.

Рассмотрим вопрос о возможности отождествления каменных изваяний с изображениями покойных представителей древнетюркской знати в свете письменных источников.

Китайские хроники дают всего лишь одно свидетельство об установлении статуи покойного — при регистрации событий, имевших место во время погребения Кюль-Тегина. Кроме того, до сего времени в обширной востоковедной археологической и исторической литературе фигурировали ссылки на якобы сходный факт, который был взят исследователями из общего описания похоронных обрядов тугю, имеющихся в Чжоу-шу и Суй-шу. Разберем в первую очередь эту последнюю версию.

Странное несовпадение этой версии, которая, согласно переводу Н. Я. Бичурина, должна фигурировать в таких достоверных китайских источниках, как Чжоу-шу и Суй-шу, с данными орхонских текстов, вызвала у нас сомнение в достаточной достоверности имевшегося русского перевода. По нашей просьбе китаевед Р. Ф. Итс подверг данное место Чжоу-шу (цз. 50) и Суй-шу (цз. 84) специальному анализу в подлиннике.[5] В результате было установлено, что в тексте перевода Н. Я. Бичурина, фигурирующем как в первом (СПб., 1851, стр. 270), так и во втором издании его труда,[6] отсутствует указание на расхождение именно в данном месте текста обеих хроник. В китайском подлиннике Чжоу-шу отсутствуют иероглифы, дающие право на имеющийся у Н. Я. Бичурина перевод. В подлиннике речь идет не об установке статуи и, тем более, не об установке какого-либо „нарисованного облика покойника" (как это отмечается в более поздней версии —

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., стр. 277.
[2] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 34.
[3] П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 70.
[4] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, ук. соч., стр. 7, 45.
[5] Подробное изложение итогов этого анализа Р. Ф. Итс предполагает дать в специальной своей работе.
[6] Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., стр. 230.

в Суй-шу).[1] В китайском тексте Чжоу-шу говорится об установлении „каменного знака" в честь покойного, что и обозначено иероглифами 石建標 'каменный знак'.

Эти сведения имеют тем более важное значение, если обратиться ко второму свидетельству — к сведениям о погребении Кюль-Тегина В этом втором фрагменте речь действительно идет об установке статуи — в китайском тексте имеется фраза: 刻石爲像 'вырезанная из камня статуя его'. Статуя была установлена наряду с постройкой расписанного изнутри храма и установкой высеченной на стеле надписи.[2]

Нельзя не подчеркнуть в связи с этим, что установка статуи находилась в ряду прочих упомянутых мер по увековечению памяти покойного Кюль-Тегина, которые были предприняты по инициативе и по повелению китайского императора; следовательно, вполне допустимо, что данный факт мог не отражать с достаточной степенью точности погребальный обряд тугю. При этом, насколько мне известно, данный отрывок, в ряду всех китайских и орхонских тюркских источников является единственным свидетельством, говорящим об установке у тугю статуи, которую с полным основанием можно отождествить с изображением самого покойного.

Итоги произведенного просмотра письменных источников, относящихся к разбираемой проблеме, побуждают к тому, чтобы еще раз поставить вопрос о значении древнетюркских каменных изваяний. Кого же в конечном счете изображали каменные фигуры, установленные тугю, — были ли это изображения покойных знатных тюрков или изображения их врагов?

Китайские и орхонские источники в сочетании с археологическими данными свидетельствуют о том, что каменное изваяние — это изображение самого могущественного из побежденных врагов покойного. В орхонских текстах мы не имеем буквально ни одного свидетельства, которое документировало бы факт постановки статуи самого покойного. Что же касается китайских летописных известий, то они тоже не дают сколько-нибудь достаточных оснований для отождествления статуи с изображением покойного, которое являлось бы одним из канонов погребального ритуала тугю.

К этому хотелось бы добавить некоторые соображения археологического порядка. Различными исследователями был зафиксирован факт существования в тюркскую эпоху поминальных оградок, ориентированных в том же плане, что и оградки с изваяниями, сопровождавшихся в ряде случаев „вереницами могильных камней", но имевших и одну существенную отличительную особенность — вместо изваяний у восточной стороны этих оградок были установлены простые каменные стелы, которые своими размерами намного превосходили камни, установленные в рядах, тянущихся на восток от оградок.[3] Такого рода оградки были зафиксированы и нами в ряде пунктов западной Тувы (археологические комплексы районов Мугур-Аксы, Моген-Бурена, Бай-Тала; описание оградок такого типа см. на стр. 408 и сл., 412 настоящей работы). В этой

[1] Используя перевод Н. Я. Бичурина данного места из хроники Суй-шу, следует помнить, что в китайском тексте определенно указывается на „облик покойника", нарисованный на плоскости. Что же касается термина 'статуя', то он иероглифически выражается специально и вполне определенно.

[2] Н. Я. Бичурин (Иакинф), ук. соч., стр. 277.

[3] См. например: М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. 1, Л., 1940.

связи несомненным представляется то, что ни о какой персонификации главного балбала художественными средствами в данном случае не может быть и речи. Тем не менее по смыслу балбалы этого типа явно обозначают человека, причем человека, которого стремились выделить из числа прочих убитых врагов, количество которых обозначено балбалами малых размеров. Очевидно, что и тут выделяется особо какое-то одно лицо. Думается, есть все основания полагать, что мы имеем тут дело опять-таки с обозначением главного врага, выделяемого балбалом особого размера.

Принципиальный характер имеет вопрос о чаше, которая обычно присутствует в составе „инвентаря" изваяний. Учитывая изложенные выше соображения о значении каменных изваяний, имеются, повидимому, некоторые основания для суждения о том, что чаша эта выражает соподчиненное положение изображаемого субъекта.[1] Предположение это будет, быть может, более убедительным, если вернуться еще к ссылке на этнографические материалы А. А. Ивановского, которые были собраны им у западных монголов (легенда о пепле покойного в ритуальной чаше изваяния), материалы, которые в свете недавно высказанной гипотезы Л. П. Потапова об оградках как местах ритуального сожжения приобретают новое звучание. При всей недостаточности материалов така» попытка объяснения назначения сосудов в связи с значением статуи имеет, повидимому, право на существование.

Аргументированное выше положение о том, что каменные изваяния древнетюркского времени являются изображением врага покойного, может быть распространено на всю территорию, занятую в древности племенами орхоно-алтайских тюрков, хотя при рассмотрении локальных вариантов нельзя не принимать в расчет крайнюю этническую пестроту этого конгломерата. Особой разработки заслуживает, в частности, вопрос о „кыпчакских" каменных изваяниях — свидетельства Вильгельма Рубрука и Низами Гянджеви о более поздних обрядах, зафиксированных этими авторами у современных им кыпчаков, обрядах, несомненно имевших более древние корни, заставляют выделить этот вопрос.

По свидетельству Ибн Фадлана, среди современных ему кочевников Средней Азии, устанавливавших статуи по числу врагов, убитых покойным, широко бытовало поверие о том, что враги эти будут служить скончавшемуся воителю в загробном мире („... отроки, которые будут служить ему в раю").[2] Представления такого рода можно квалифицировать как комплекс, корни которого несомненно уходят в более ранние времена и определенно имеют центральноазиатское происхождение. Надо полагать, что особое внимание следует в этом плане обратить на дальнейшее изучение каменных изваяний, держащих сосуд в обеих руках (характеристика двух таких изваяний была дана и в настоящей работе). Изваяния, изображенные с сосудом, покоящимся в обеих руках, заслуживают внимания в данном аспекте хотя бы потому, что тут возможно усмотреть определенную точку соприкосновения статуй такого рода, локализуемых в Центральной Азии, с многочисленными сериями более поздних каменных фигур западных областей и в том

---

[1] На это обстоятельство уже обращалось внимание А. Н. Бернштамом. См.: А. Н. Бернштам. 1) Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков (восточно-тюркский каганат и кыргызы). Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 73; 2) Историко-археологические очерки. . ., стр. 143.

[2] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, изд. АН СССР, М. — Л., 1939, стр. 63 (Ибн Фадлан, л. 201-б).

числе фигур, обнаруженных в Средней Азии и на юге Европейской части СССР.

Объяснение мотивов установки изваяний побежденных врагов при погребении знатных тюрков в Центральной Азии несомненно является вопросом особым. Главную роль в числе мотивов, возбудивших к жизни этот обряд, играло, надо думать, стремление увековечить достигнутую победу, преследуя при этом совершенно определенную социальную цель — оставить потомкам явственное напоминание о минувших грабительских походах и битвах, напоминание о покоренных народах и странах, напоминание о богатой добыче, захваченной в чужих землях. Убитые враги, слава которых была повержена в прах, должны были сопровождать того или иного тюркского владыку и служить ему в загробном мире. Повидимому, именно так и следует реконструировать основу комплекса представлений, связанных с установкой изваяний, изображавших побежденных врагов.

Исследование древнетюркских изваяний Тувы дает яркий материал не только для освещения истории религии и социальных отношений древних тюрков Центральной Азии — это исследование дает основания и для важных выводов этногенетического порядка.

Изучение каменных изваяний Тувы показывает, что западная, центральная и южная Тува являлась одной из основных областей расселения племен орхоно-алтайских тюрков-тугю. Мощный барьер Саянских гор отделял эти племена от этнических объединений, обитавших в стране Хягас. Что же касается горно-лесных пространств восточной Тувы, то там каменные изваяния рассмотренного круга неизвестны. Это в числе прочих данных является одним из наиболее веских доказательств того, что в древнетюркское время там обитали племена иной этнической характеристики, нежели те, которые населяли в это же время остальные тувинские территории.

В свете всех этих данных древнетюркские каменные изваяния предстают как весьма колоритные памятники, отражающие ряд важных сторон религии, социального устройства и этнической истории орхоно-алтайских тугю.